

ISSN 2306-5001

Журнал входит в перечень анализируемых научных изданий ВАК

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

**Том 27. № 3.
Март 2020 г.**

Издается с 1993 года

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ведев Алексей Леонидович — доктор экономических наук, директор Центра структурных исследований РАНХиГС при Президенте РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Моргунов Вячеслав Иванович — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дробышевский Сергей Михайлович — доктор экономических наук, директор по научной работе Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Золотарева Анна Борисовна — кандидат юридических наук, руководитель Научного направления «Правовые исследования» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Кадочников Павел Анатольевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Научного направления «Реальный сектор» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Радьгин Александр Дмитриевич — доктор экономических наук, профессор, руководитель Научного направления «Институциональное развитие, собственность и корпоративное управление» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Синельников-Мурылев Сергей Германович — доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Стародубровская Ирина Викторовна — кандидат экономических наук, руководитель Научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

© «Экономическое развитие России», 2020

Воспроизведение материалов в любой форме допускается только с письменного разрешения редакции

ISSN 2306-5001

The journal is in the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission

RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT

**Volume 27. № 3.
March 2020**

From 1993

EDITOR-in-CHIEF

Vedev, Aleksey Leonidovich — Doctor of Economic Sciences, Head of the Center for Structural Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

DEPUTY EDITOR-in-CHIEF

Morgunov, Vyacheslav Ivanovich — Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

EDITORIAL BOARD

Drobyshevsky, Sergey Mikhailovich — Doctor of Economic Sciences, Scientific Director of the Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy

Zolotareva, Anna Borisovna — Candidate of Legal Sciences, Head of the Center for Legal Sciences, Ye.T. Gaidar of the Institute for Economic Policy

Kadochnikov, Pavel Anatolievich — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher of the Center for Real Sector, Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy

Radygin, Alexander Dmitrievich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Center for Institutional Development, Ownership and Corporate Governance, Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy

Sinelnikov-Murylev, Sergey Germanovich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Academic Director of the Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy

Starodubrovskaya, Irina Viktorovna — Candidate of Economic Sciences, Head of the Center for Political Economy and Regional Development, Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy

© Russian Economic Development, 2020

Any reproduction, in whatever form and by whatever media, is expressly prohibited without the prior written consent of the journal

---

Содержание

МАКРОЭКОНОМИКА

Основные итоги исполнения федерального бюджета в 2019 г.

Белёв С. Г., Соколов И. А., Тищенко Т. В. 4

Платежный баланс в 2019 г.

Божеčkова А. В., Кнобель А. Ю., Трунин П. В. 9

О перспективах развития Евразийского экономического союза.

Кадочников П. А. 13

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Динамика промышленного производства в четвертом квартале 2019 г.

Каукин А. С., Миллер Е. М. 22

Российская промышленность в январе 2020 г.

Цухло С. В. 27

Хозяйственное обозрение (декабрь 2019 – март 2020 гг.).

Аукуционек С. П., Егоров А. С., Сержантова Т. В., Беляков С. В. 29

АГРОСЕКТОР

Содействие занятости сельского населения: как скорректировать Госпрограмму.

Шагайда Н. И., Потапова А. А. 37

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

Финансовые результаты банковского сектора в 2019 г.

Зубов С. А. 41

Ресурсы банковского сектора в 2019 г.

Зубов С. А. 44

Детерминанты финансового развития.

Данилов Ю. А., Пивоваров Д. А., Давыдов И. С. 47

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Цифровизация государства: ловушки и перспективы.

Добролюбова Е. И. 58

РЫНОК ТРУДА

Недоиспользование трудовых ресурсов: рост потенциальной рабочей силы.

Ляшок В. Ю. 62

РЕГИОНЫ

Развитие регионов в январе–ноябре 2019 г.: инерция сохраняется.

Зубаревич Н. В. 66

Contents

MACROECONOMICS

Federal Budget Execution for 2019: Key Research Insights.

Belev S. G., Tischenko T. V., Sokolov I. A. 4

Balance of Payments in 2019.

Bozhechkova A. V., Knobel A. Yu., Trunin P. V. 9

On the Prospects for the Development of the Eurasian Economic Union.

Kadochnikov P. A. 13

INDUSTRY

Industrial Production Dynamics in Q4 2019.

Kaukin A. S., Miller E. M. 22

Russian Industry In January 2020.

Tsukhlo S. V. 27

Survey of Current Business (December 2019 – March 2020).

Aukutsionek S. P., Yegorov A. S., Serzhantova T. V., Belyakov S. V. 29

AGROSECTOR

Employment Promotion in Rural Areas: How Can the State Program Be Properly Adjusted.

Shagayda N. I., Potapova A. A. 37

FINANCIAL SECTOR

Financial Performance of the Banking Sector in 2019.

Zubov S. A. 41

Banking Sector Resources in 2019.

Zubov S. A. 44

Determinants of Financial Development.

Danilov Yu. A., Pivovarov D. A., Davydov I. S. 47

DIGITAL ECONOMY

Digitalization of the State: Traps and Perspectives.

Dobrolyubova E. I. 58

LABOR MARKET

Underutilization of Labor Resources: Growth of Potential Workforce.

Lyashok V. Yu. 62

REGIONS

Development of Regions in January–November 2019: Inertia Retains.

Zubarevich N. V. 66

Макроэкономика

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИСПОЛНЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА В 2019 г.

С. Г. БЕЛЁВ
И. А. СОКОЛОВ
Т. В. ТИЩЕНКО

Исполнение федерального бюджета в 2019 г. по сравнению с предыдущим годом характеризовалось снижением доли нефтегазовых доходов, которая сократилась до 40,9% против 46,3% в 2018 г. При этом общие доходы федерального бюджета уменьшились незначительно (на 0,2 п.п. ВВП), в основном благодаря существенному приросту поступлений от НДС (на 0,8 п.п. ВВП) вследствие повышения базовой ставки налога с 18 до 20%.

Увеличение расходов федерального бюджета к предыдущему году составило 0,6 п.п. ВВП, или около 1,5 трлн. руб. в номинальном выражении, что связано преимущественно с реализацией национальных проектов. Дальнейшее наращивание соответствующего финансирования при снижающихся поступлениях в федеральный бюджет усиливает риски его несбалансированности.

За 2019 г. заметно вырос ФНБ (до 7,1% ВВП против 3,9% ВВП годом ранее), что стало следствием зачисления накопленных еще в 2018 г. дополнительных нефтегазовых доходов на счета суверенного резервного фонда. И хотя ликвидные средства в ФНБ после решения о приобретении акций Сбербанка России заметно сократятся, их останется достаточно, чтобы обеспечить выполнение всех обязательств государства даже при неблагоприятной внешнеэкономической конъюнктуре в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: федеральный бюджет, доходы, нефтегазовые доходы, нефтегазовые доходы, расходы, налоги, государственный внешний долг.

По данным Федерального казначейства, доходы федерального бюджета за 2019 г. снизились по сравнению с предыдущим годом на 0,2 п.п. ВВП — до 18,4% ВВП, хотя и выросли на 717,1 млрд. руб. в номинальном выражении. Положительная динамика по нефтегазовым поступлениям, которая сохранялась на протяжении первых трех кварталов 2019 г., по итогам года составила 0,9 п.п. ВВП относительно января-декабря 2018 г., в то время как нефтегазовые доходы сократились на 1,1 п.п. ВВП. (См. табл. 1.)

Нефтегазовые доходы сократились по сравнению с 2018 г. на 1,1 п.п. ВВП, в том числе в результате уменьшения поступлений по НДС на 0,4 п.п. ВВП и по вывозным таможенным пошлинам на 0,8 п.п. ВВП. Это обусловлено укреплением курса рубля к доллару и снижением средней цены на нефть, а также изменением с 1 июля 2019 г. порядка расчета демпфирующей компоненты акциза на нефтяное сырье¹. Как следствие, доля НДС в общем объеме нефтегазовых доходов федерального бюджета продемонстрировала устойчивую

Белёв Сергей Геннадьевич, заведующий лабораторией бюджетной политики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: belev@ier.ru; Соколов Илья Александрович, заведующий лабораторией исследований бюджетной политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; директор Института макроэкономических исследований ВАВТ Минэкономразвития России (Москва), канд. экон. наук, e-mail: sokolov@ier.ru; Тищенко Татьяна Владимировна, старший научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: tishenko@ier.ru

¹ Федеральный закон от 30 июля 2019 г. № 255-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации».

тенденцию к увеличению — с 38,3% в 2014 г. до 72,4% в 2019 г.

Нефтегазовые доходы федерального бюджета в 2019 г. относительно предыдущего года увеличились на 0,9 п.п. ВВП за счет роста всех налоговых поступлений, за исключением акцизов, объем которых в долях ВВП сократился на 0,3 п.п. В наибольшей степени выросли доходы по НДС, что объясняется увеличением основной ставки налога с 18 до 20%, а также ростом импорта в результате укрепления курса рубля (такие поступления по НДС на ввозимые товары выросли на 0,3 п.п. ВВП). Также важно отметить, что, несмотря на повышение основной ставки НДС, в 2019 г. не произошло падения собираемости этого налога². (См. табл. 2.)

В целом динамика нефтегазовых налоговых доходов федерального бюджета в последние годы устойчиво положительна.

Расходы федерального бюджета за 2019 г. выросли к предыдущему году на 0,6 п.п. ВВП при незначительном снижении уровня кассо-

вого исполнения бюджета (94,2% против 95,5%). В абсолютном выражении наблюдался их рост на 1500,2 млрд. руб.

В разрезе функциональной классификации расходов в исследуемый период отмечался рост расходов федерального бюджета в долях ВВП относительно 2018 г. на 0,2 п.п. ВВП по разделам «Национальная экономика» и «Жилищно-коммунальное хозяйство», на 0,1 п.п. ВВП — по разделам «Охрана окружающей среды», «Здравоохранение» и «Социальная политика». Данная динамика согласуется с приоритетами бюджетной политики, определенными Указом Президента России от 7 мая 2018 г. Сокращение объема бюджетных ассигнований федерального бюджета в 2019 г. к 2018 г. зафиксировано только по расходам на обслуживание государственного внешнего долга — на 0,1 п.п. ВВП. По остальным разделам функциональной классификации расходы федерального бюджета в 2019 г. относительно предыдущего года в долях ВВП не изменились. (См. табл. 3.)

Таблица 1
Основные параметры исполнения федерального бюджета за 2018 и 2019 гг.

	2018 г.			2019 г.			Изменение, п.п. ВВП
	млрд. руб.	% ВВП	в % от планируемого объема	млрд. руб.	% ВВП	в % от планируемого объема	
Доходы	19 454,4	18,6	102,7	20 171,5	18,4	101,1	-0,2
в том числе:							
Нефтегазовые	9017,7	8,6	102,3	8247,7	7,5	105,2	-1,1
Ненефтегазовые	10 436,7	10,0	103,0	11 923,8	10,9	98,3	0,9
Расходы	16 713,0	16,0	95,5	18 213,2	16,6	94,2	0,6
в том числе:							
Процентные	806,0	0,8	99,0	730,8	0,7	94,0	-0,1
Непроцентные	15 907,0	15,2	95,4	17 482,4	15,9	94,2	0,7
Профицит (+) / Дефицит (-)	2741,4	2,6	-	1958,3	1,8	-	-0,8
Ненефтегазовый профицит (+) / дефицит (-)	-6276,3	-6,0		-6289,4	-5,7		0,3
<i>Справочно: ВВП (в текущих ценах), млрд. руб.*</i>		104 335			109 361		

* — Предварительная оценка для 2019 г.

Источник: Минфин России, Росстат, Федеральное казначейство, расчеты авторов.

² Коэффициент собираемости (*C-efficiency*) в 2019 г. составил 49,9% против 48,2% в 2018 г.

Таблица 2
Поступления основных налогов в федеральный бюджет в 2015–2019 гг.

	% ВВП					2019 г. к 2018 г., п.п. ВВП
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	
Доходы – всего	16,4	15,7	16,4	18,6	18,4	-0,2
Нефтегазовые доходы	7,0	5,6	6,5	8,6	7,5	-1,1
из них:						
НДПИ	3,7	3,3	4,4	5,9	5,5	-0,4
Вывозные пошлины	3,3	2,3	2,1	2,8	2,0	-0,8
Ненефтегазовые доходы	9,4	10,1	9,9	10,0	10,9	0,9
из них:						
Налог на прибыль организаций	0,6	0,6	0,8	0,9	1,1	0,2
НДС на товары, реализуемые на территории РФ	2,9	3,1	3,3	3,4	3,9	0,5
НДС на товары, ввозимые на территорию РФ	2,1	2,2	2,2	2,3	2,6	0,3
Акцизы на товары, производимые на территории РФ	0,6	0,7	1,0	0,8	0,5	-0,3
Акцизы на товары, ввозимые на территорию РФ	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0
Ввозные пошлины	0,7	0,7	0,6	0,6	0,7	0,1
Прочие доходы	2,4	2,7	1,9	1,9	2,0	0,1

Источник: Федеральное казначейство, расчеты авторов.

Таблица 3
Расходы федерального бюджета в 2018 и 2019 гг.

	2018 г.			2019 г.			Изменение	
	млрд. руб.	% ВВП	кассовое исполнение, в %	млрд. руб.	% ВВП	кассовое исполнение, в %	млрд. руб.	п.п. ВВП
Расходы – всего	16 713,0	16,0	95,5	18 213,2	16,6	94,2	1500,2	0,6
в том числе:								
Общегосударственные вопросы	1257,2	1,2	89,0	1366,3	1,2	85,6	109,1	0,0
Национальная оборона	2827,1	2,7	92,3	2997,2	2,7	92,7	170,1	0,0
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	1971,1	1,9	96,2	2083,1	1,9	95,5	112,0	0,0
Национальная экономика	2402,2	2,3	93,5	2824,5	2,5	91,8	422,3	0,2
Жилищно-коммунальное хозяйство	148,8	0,1	88,1	283,7	0,3	84,2	134,9	0,2
Охрана окружающей среды	116,0	0,1	98,8	197,5	0,2	91,7	81,5	0,1
Образование	722,6	0,7	95,9	826,6	0,7	93,1	104,0	0,0
Культура и кинематография	94,8	0,1	84,3	122,4	0,1	87,8	27,6	0,0
Здравоохранение	537,3	0,5	96,3	713,0	0,6	95,6	175,7	0,1
Социальная политика	4581,9	4,4	99,3	4881,1	4,5	99,7	299,2	0,1
Физическая культура и спорт	64,0	0,1	86,9	81,4	0,1	91,5	17,4	0,0
СМИ	88,5	0,1	99,9	103,5	0,1	99,9	15,0	0,0
Обслуживание государственного долга	806,0	0,8	99,0	730,8	0,7	94,0	-75,2	-0,1
Межбюджетные трансферты	1095,5	1,0	99,7	1002,1	1,0	95,7	-93,4	0,0

Источник: Минфин России, Федеральное казначейство, расчеты авторов.

По предварительным данным, расходы федерального бюджета на реализацию национальных проектов в 2019 г. составили 1600,3 млрд. руб. при кассовом исполнении в 91,4%. В общем объеме расходов федерального бюджета на эти цели половина средств была направлена на два национальных проекта: 31,1% – на проект «Демография» (498,3 млрд. руб.) и 19,1% – на план модернизации магистральной инфраструктуры (306,1 млрд. руб.). (См. табл. 4.)

Профицит федерального бюджета по итогам 2019 г. составил 1,8% ВВП (1958,3 млрд. руб.), что на 0,8 п.п., или на 783,1 млрд. руб., меньше положительного сальдо исполнения бюджета по итогам предыдущего года. Ненефтегазовый дефицит сократился с 6,0 до 5,7% ВВП.

По информации Минфина России, на 1 января 2020 г. государственный долг РФ составил 13,6 трлн. руб. (12,4% ВВП против 12,0% в 2018 г.), в том числе внутренний долг – 10,2

трлн. руб. (рост за 2019 г. на 995,5 млрд. руб.), внешний – 54,8 млрд. долл. (рост. на 5,7 млрд. долл.).

Совокупный объем средств Фонда национального благосостояния (ФНБ) в рублевом эквиваленте за 2019 г. увеличился с 4036,0 млрд. руб. (3,9% ВВП) до 7773,1 млрд. руб. (7,1% ВВП). Накопленные в предыдущий трехлетний период суверенные резервы выступают основным фактором стабильности бюджетной системы в условиях снижающихся в первые месяцы 2020 г. цен на нефть. В ситуации шокового сокращения уровня нефтегазовых доходов и при возможных неблагоприятных макроэкономических последствиях распространения коронавируса средства ФНБ будут основным гарантом выполнения в 2020 г. обязательств государства, в том числе по национальным проектам. Решение о приобретении акций Сбербанка России за счет средств ФНБ хотя и уменьшает его ликвидные остатки примерно на 2,8 трлн. руб., но не будет иметь кри-

Таблица 4
Финансирование национальных проектов из федерального бюджета в 2019 г., млрд. руб.

№ п/п	Наименование национального проекта	Всего расходов		
		Сводная бюджетная роспись на 31.12.2019 г.	Кассовое исполнение	Справочно: в % от бюджетных ассигнований
1	Демография	522,0	498,3	95,5
2	Здравоохранение	160,3	157,1	98,0
3	Образование	108,4	98,7	91,0
4	Жилье и городская среда	105,3	98,8	93,8
5	Экология	55,6	36,9	66,3
6	Безопасные и качественные автомобильные дороги	142,3	138,2	97,1
7	Производительность труда и поддержка занятости	7,1	6,2	87,1
8	Наука	37,9	37,6	99,1
9	Национальная программа «Цифровая экономика»	100,7	73,8	73,3
10	Культура	14,2	14,0	99,0
11	Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	60,6	56,4	93,1
12	Международная кооперация и экспорт	87,7	78,1	89,1
13	Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	347,8	306,1	88,0
Всего		1750,0	1600,3	91,4

Источник: Минфин России, Федеральное казначейство, расчеты авторов.

тических последствий для защищенности обязательств федерального бюджета.

Таким образом, можно сделать вывод, что, благодаря фискальной консолидации, в 2016–2018 гг. была обеспечена адаптация уровня государственных расходов к диапазону цены на нефть в 40–45 долл./барр. В то же время начавшаяся в 2019 г. реализация национальных проектов и принятый 12 марта 2020 г. Закон об изменениях в федеральный бюджет³, зафиксировавший дополнительные долгосрочные социальные обязательства, подняли цену балансировки федерального бюджета до 53 долл./барр. (при курсе порядка 67 руб./долл.). В связи с этим заметное изменение среднегодовой цены на нефть ниже цены балансировки может привести к дефициту федерального бюджета и поставить под сомнение в первую очередь реалистичность реализации всех

инвестиционных расходов (а они составляют большую часть расходов по нацпроектам) в запланированные на 2020 г. сроки (велика вероятность переноса их реализации на неопределенный срок).

Однако даже в случае падения цен на нефть ниже 40 долл./барр., по нашему мнению, не потребуются дополнительных мер по ужесточению бюджетной политики (пересмотра бюджетного правила или секвестра расходов), так как ликвидных средств ФНБ и емкости внутреннего рынка государственного долга достаточно для финансирования выпадающих нефтегазовых доходов. В то же время, если последствия текущего экономического шока будут иметь среднесрочный характер, неизбежно возникнет необходимость в пересмотре объемов и структуры расходов федерального бюджета на 2021 и 2022 гг. ■

Federal Budget Execution for 2019: Key Research Insights

Sergey G. Belev — Head of Budget Policy Department of the Gaidar Institute; Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: belev@iep.ru

Ilya A. Sokolov — Head of Budget Policy Research Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Director of Institute of Macroeconomic Research, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for the Economic Development of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: sokolov@iep.ru

Tatyana V. Tischenko — Senior Researcher of the Gaidar Institute; Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: tishenko@iep.ru

The federal budget execution for 2019 compared to the previous year is marked by a reduction of the share of oil and gas revenues which shrank to 40.9% against 46.3% in 2018. At the same time, the total federal budget revenues have decreased insignificantly (down 0.2 pp of GDP) mainly due to considerable growth of proceeds from VAT (up 0.8 pp of GDP) on the back of VAT rate rise from 18 to 20%.

Increase of the federal budget expenditures against last year came to 0.6 pp. of GDP or around Rb 1.5 trillion in nominal terms due to the implementation of the national projects. Further growth of respective financing on the back of falling federal budget revenues raises the risk of its imbalance.

NWF (National Wealth Fund) markedly increased in 2019 (up to 7.1% of GDP against 3.9% of GDP a year earlier) resulting from crediting of accumulated in 2018 additional oil and gas funds to NWF accounts. Although liquidity available in NWF will markedly contract on the back of acquisition of the Sberbank shares, it will be sufficient for the implementation of all state obligations even amid unfavorable external economic conditions in medium-term perspective.

Key words: federal budget, taxes, revenues, oil and gas revenues, non-oil and gas revenues, expenditures, state foreign debt.

³ Согласно принятому 12 марта 2020 г. Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон “О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов”».

ПЛАТЕЖНЫЙ БАЛАНС В 2019 г.

А. В. БОЖЕЧКОВА

А. Ю. КНОБЕЛЬ

П. В. ТРУНИН

В 2019 г. положительное торговое сальдо России существенно сократилось в результате уменьшения экспорта, что, в свою очередь, произошло из-за снижения цен на нефть и увеличения импорта. При этом нетто-отток капитала, наблюдавшийся в 2018 г., сменился нетто-притоком в размере 1,8 млрд. долл., который был обеспечен увеличением иностранных обязательств государственного сектора и более медленным, чем в 2018 г., ростом иностранных активов частного сектора. Международные резервы превысили к концу года 554 млрд. долл., что является максимумом за весь период после мирового финансового кризиса. В результате применения бюджетного правила, снизившего зависимость курса рубля от цен на нефть, а также профицита финансового счета курса национальной валюты в 2019 г. укрепился.

Ключевые слова: платежный баланс, экспорт, импорт, счет текущих операций, курс рубля, отток/приток капитала, Банк России.

Согласно опубликованной Банком России предварительной оценке платежного баланса за 2019 г. сальдо счета текущих операций составило 70,6 млрд. долл., что на 38% (или на 42,9 млрд. долл.) меньше соответствующего показателя за 2018 г. [1].

Торговый товарный баланс составил 163,1 млрд. долл., что меньше на 16% (на 31 млрд. долл.) значения 2018 г. (194,4 млрд. долл.). (См. рис. 1.) Определяющую роль в этом снижении сыграло сокращение экспорта на 5,7% (на 25 млрд. долл.) — с 443,1 млрд. долл. в 2018 г. до 417,9 млрд. долл. в 2019 г. Такое падение было обусловлено в первую очередь снижением среднегодовой экспортной цены на нефть, нефтепродукты, природный газ и другие базовые товары российского экспорта при стабильном объеме их поставок. (См. таблицу.) Исключение составил сжиженный природный газ, падение экспортной цены которого более чем на 12% сопровождалось ростом физических объемов его поставок на 75% за счет мощностей компании «Ямал—СПГ», что при-

вело к росту поставок данного продукта за рубеж на 58% — с 5,3 до 8,4 млрд. долл.

Ухудшение товарного баланса, кроме падения экспортных цен, было вызвано также ростом импорта на 2,5% (на 6 млрд. долл.) — с 248,7 млрд. долл. в 2018 г. до 254,8 млрд. долл. в 2019 г. Такое изменение объясняется укреплением рубля: согласно данным Банка России индекс реального эффективного курса рубля к иностранным валютам в 2019 г. относительно 2018 г. вырос на 2,5%¹.

Произошло также ухудшение *баланса торговли услугами*, который в 2019 г. составил -34,8 млрд. долл. по сравнению с -29,9 млрд. долл. в 2018 г., т.е. отрицательный баланс за год увеличился на 16,4%. При этом экспорт услуг упал незначительно — на 1,5% (-1 млрд. долл. в абсолютном выражении) — с 64,6 до 63,6 млрд. долл., а импорт услуг заметно вырос: на 3,9% — с 94,6 до 98,3 млрд. долл.

Баланс инвестиционных доходов, равно как и *баланс оплаты труда*, в 2019 г. изменился весьма существенно: первый ухудшился на 5,9

Божечкова Александра Викторовна, заведующий лабораторией денежно-кредитной политики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: bojechkova@ier.ru; Кнобель Александр Юрьевич, заведующий лабораторией международной торговли Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; директор Центра исследований международной торговли РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: knobel@ier.ru; Трунин Павел Вячеславович, руководитель Научного направления «Макроэкономика и финансы» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р экон. наук (Москва), e-mail: pt@ier.ru

¹ О влиянии курсовой динамики на торговлю см. [2].

млрд. долл. (с -38,6 до -44,5 млрд. долл., главным образом вследствие увеличения на 5,8 млрд. долл. доходов к выплате (репатриация инвестиционных доходов) одновременно с сохранением доходов к получению; а второй – на 0,3 млрд. долл. (с -3,0 до -3,3 млрд. долл.).

Существенное сокращение сальдо текущего счета было частично компенсировано профицитом финансового счета, который в 2019 г.

составил 1,8 млрд. долл. по сравнению с дефицитом в 76,5 млрд. долл. в 2018 г. Нетто-приток капитала в 2019 г. был обеспечен ростом финансовых обязательств относительно предыдущего года на 28,3 млрд. долл. (за 2018 г. финансовые обязательства сократились на 36,7 млрд. долл.) и меньшим, чем в 2018 г., увеличением финансовых активов (26,5 млрд. долл. против 39,8 млрд. долл. в 2018 г.).

Цены на базовые товары российского экспорта в 2019 г.

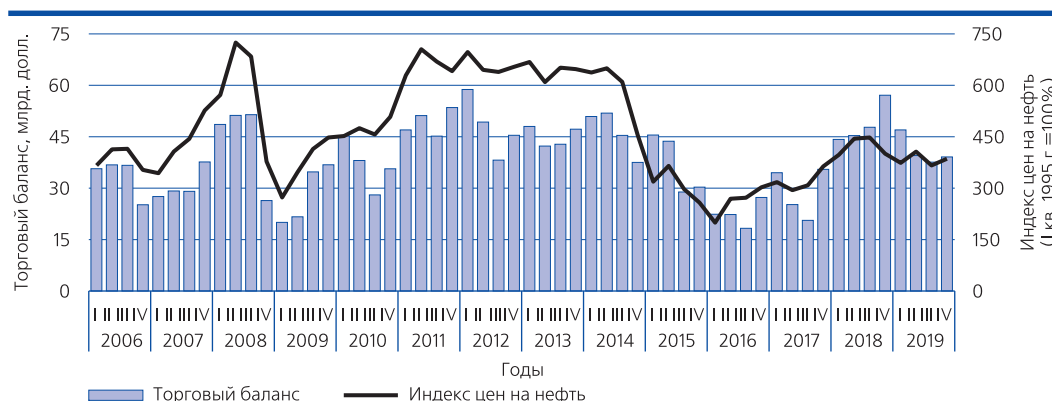
Товарная группа	Доля товарной группы в экспорте, в %	Средняя экспортная цена поставок, долл./т		Изменение цены: январь-ноябрь 2019 г. к январю-ноябрю 2018 г., в %
		Январь-ноябрь 2019 г.	Январь-ноябрь 2018 г.	
Нефть сырая	29,0	454	500	-9,2
Нефтепродукты	15,8	471	521	-9,6
Газ природный	9,8	190*	221*	-14,0
Черные металлы	4,4	449	505	-11,1
Уголь каменный	3,8	78	85	-7,8
Газ природный сжиженный	2,0	124**	142**	-12,6
Удобрения минеральные	1,9	246	237	3,7
Пшеница и меслин	1,5	201	190	5,8
Алюминий	1,1	1691	1721	-1,8
Лесоматериалы	1,1	227	235	-3,1
Медь	1,0	5900	6352	-7,1
Рыба свежая и мороженая	0,7	1825	1821	0,2
Масло растительное	0,5	708	766	-7,6
Никель	0,4	13 696	13 069	4,8

* – Долл./млрд. куб. м.

** – Долл./тыс. куб. м.

Источник: ФТС, расчеты авторов.

Рис. 1. Торговый баланс РФ и динамика мировых цен на нефть в 2006–2019 гг.

Источник: Банк России, МВФ.

Рост *иностранных обязательств* в 2019 г. объяснялся в основном операциями небанковского сектора (25,7 млрд. долл. против -4,2 млрд. долл. в 2018 г.) и федеральных органов управления² (22,0 млрд. долл. против -5,5 млрд. долл. в 2018 г.). При этом банковский сектор, напротив, сокращал иностранные обязательства: -20,1 млрд. долл. в 2019 г. и -25,0 млрд. долл. в 2018 г.

Рост *финансовых активов российских резидентов за рубежом* происходил преимущественно за счет операций небанковского сектора. Так, за 2019 г. иностранные активы прочих секторов выросли на 25,7 млрд. долл. (в 2018 г. их рост составлял 30,8 млрд. долл.), тогда как увеличение иностранных активов банков достигло 1,7 млрд. долл. (7,6 млрд. долл. в 2018 г.). Иностранные активы государственных органов сократились за рассматриваемый период на 0,9 млрд. долл. (рост на 1,4 млрд. долл. в 2018 г.).

Приток прямых иностранных инвестиций в небанковский сектор в 2019 г. (26,9 млрд. долл. против 5,9 млрд. долл. в 2018 г.) практически полностью был компенсирован его оттоком (26,3 млрд. долл. против 29,6 млрд. долл. в 2018 г.). Сокращение «входящих» портфельных инвестиций в российский небанков-

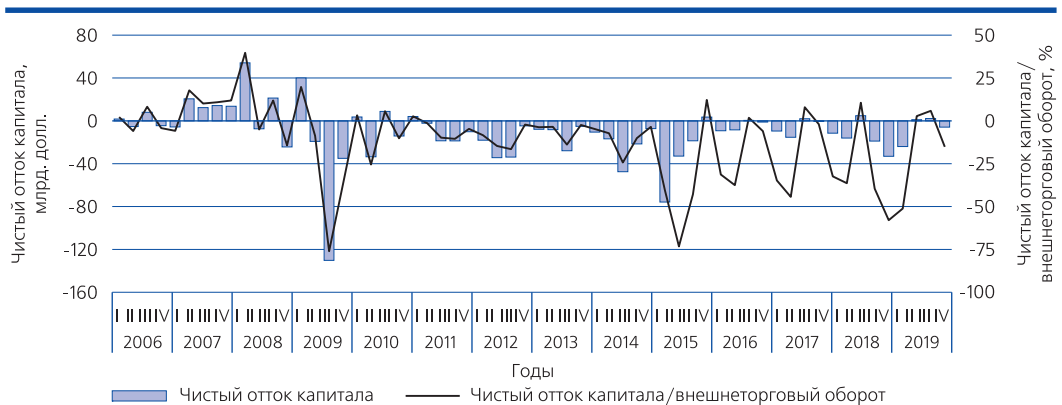
ский сектор в 2019 г. (на 3,2 млрд. долл. против 0,7 млрд. долл. в 2018 г.) сопровождалось увеличением «исходящих» портфельных инвестиций (2,1 млрд. долл., в 2018 г. — 1,4 млрд. долл.). Прочие обязательства небанковского сектора выросли на 1,9 млрд. долл. (1,3 млрд. долл. в 2018 г.), тогда как прочие активы увеличились на 3,5 млрд. долл. (10,1 млрд. долл. в 2018 г.).

В результате *чистый отток капитала частного сектора* в 2019 г. резко сократился и составил 26,7 млрд. долл. (63,0 млрд. долл. в 2018 г.). (См. рис. 2.).

При этом для банковского сектора в 2019 г. относительно предыдущего года нетто-отток капитала достиг 21,8 млрд. долл. (32,6 млрд. долл. в 2018 г.). В небанковском секторе нетто-отток капитала сократился намного сильнее — до 4,9 млрд. долл. (30,4 млрд. долл. в 2018 г.).

Международные резервные активы за 2019 г. выросли на 66,5 млрд. долл. (38,2 млрд. долл. в 2018 г.), в результате чего они составили на конец года 554,4 млрд. долл., что является максимумом после мирового финансового кризиса. (Напомним, что исторический максимум международных резервов был достигнут в августе 2008 г. и равнялся 596,6 млрд.

Рис. 2. Чистый отток капитала частного сектора в 2006–2019 гг.

Источник: Банк России, расчеты авторов.

² Основным фактором роста иностранных обязательств федеральных органов управления стали инвестиции нерезидентов в ОФЗ.

долл.) Динамика международных резервов в 2019 г. была обусловлена прежде всего покупкой Минфином России иностранной валюты на сумму около 3,5 трлн. руб. (по сравнению с 2,1 трлн. руб. в 2018 г.) на внутреннем валютном рынке в рамках бюджетного правила. Рост покупки иностранной валюты на внутреннем валютном рынке в рамках бюджетного правила в 2019 г. был связан с осуществлением Банком России не только плановых, но и отложенных покупок, вызванных их приостановкой в августе-декабре 2018 г.

В результате применения бюджетного правила курс рубля стал меньше зависеть от цен на нефть и в большей степени определяться потоками капитала. Поэтому улучшение ситуа-

ции с притоком капитала в Россию привело к тому, что за 2019 г. рубль укрепился к доллару на 10,9% — до 61,9 руб./долл. Притоку капитала в российскую экономику способствовали смягчение монетарной политики ФРС США и ЕЦБ, а также позитивная риторика торговых переговоров США с Китаем с сентября 2019 г.

В 2020 г. возможно дальнейшее сокращение сальдо счета текущих операций в связи с потенциальным замедлением темпов роста мировой экономики и снижением цен на нефть. При этом смягчение монетарной политики в развитых странах будет способствовать повышению привлекательности российских финансовых активов и улучшению сальдо финансового счета. ■

Литература

1. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс в 2018 г.: рекордное сальдо текущих операций // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 2. С. 3–7.
2. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в январе-августе 2017 г. // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 11. С. 12–18.

References

1. Bozhechkova A., Knobel A., Trunin P. Balance of payments in 2018: all-time high current operation balance // Russian Economic Development. 2019. Vol. 26. No. 2. Pp. 3–7.
2. Knobel A., Firanchuk A. Russian foreign trade in January-August 2017 // Russian Economic Development. 2017. Vol. 24. No. 11. Pp. 12–18.

Balance of Payments in 2019

Alexandra V. Bozhechkova — Head of Monetary Policy Department of the Gaidar Institute; Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: bozhechkova@iep.ru

Alexander Yu. Knobel — Head of Foreign Trade Department of the Gaidar Institute; Director of Center for Foreign Trade Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: knobel@iep.ru

Pavel V. Trunin — Head of Center for Macroeconomics and Finance of the Gaidar Institute; Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: pt@iep.ru

In 2019, Russia's trade surplus shrank significantly as result of a declining value volume of exports which, in its turn, was pushed down by sliding prices of oil and increasing imports. Meanwhile, net capital outflow that had been observed in 2018 gave way to net capital inflow, to the value of \$ f 1.8bn, secured by an increase in the public sector's foreign liabilities and a slower-than-in-2018 rate of growth displayed by those of the private sector. International reserves by the year end surged above \$ 554bn, thus hitting their record high of the entire period after the global financial crisis. Due to the application of the budgetary rule (which made the ruble less dependent on the oil price movement pattern) coupled with the financial account surplus, the ruble's exchange rate against foreign currencies became stronger.

Key words: balance of payments, export, import, current account, rate of Ruble exchange, capital outflows, Bank of Russia.

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА¹

П. А. КАДОЧНИКОВ

В статье рассматриваются возможные направления развития Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС) в контексте современных тенденций международной торговли, связанных с изменением баланса развитых и развивающихся стран, динамики барьеров в торговле, развития глобальных цепочек добавленной стоимости и расширения цифровой торговли. Эти направления лежат в сфере дальнейшего снятия барьеров и ускоренного выполнения «дорожных карт», касающихся формирования общих рынков ЕврАзЭС, повышения эффективности органов Союза и реализации совместных проектов и перспективных направлений деятельности ЕврАзЭС, в том числе в цифровой сфере.

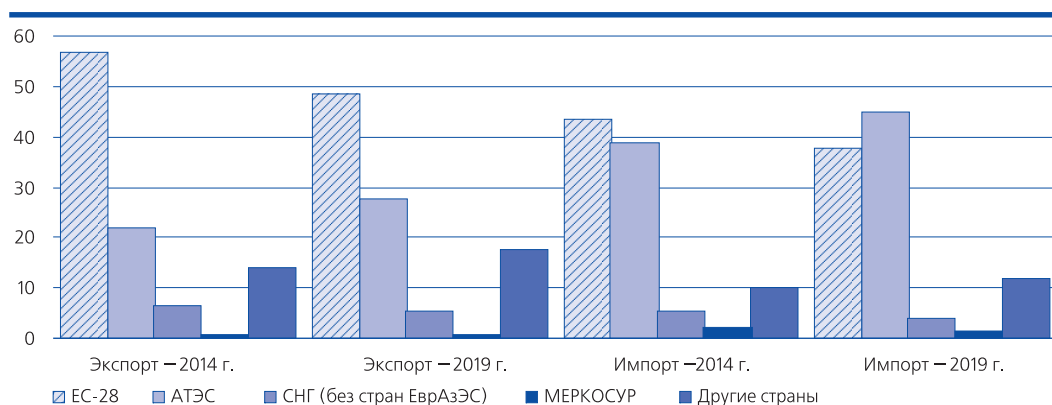
Ключевые слова: международная торговля, Евразийский экономический союз (ЕврАзЭС), региональная экономическая интеграция, тарифные и нетарифные барьеры, общие рынки ЕврАзЭС.

Создание сначала Таможенного, а затем Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС) и его последующее углубление и расширение стали ответом России, Казахстана, Белоруссии и других постсоветских стран на глобальные тенденции развития мировой экономики и международной торговли. Прошедшее десятилетие показало устойчивость самостоятельного интеграционного ядра на постсоветском пространстве как с геополитической,

так и с торгово-экономической точек зрения.

Развитие евразийской интеграции характеризуется целым рядом тенденций, главными из которых являются ее роль в мировой экономике и международной торговле и структура торговли с третьими странами. С момента создания ЕврАзЭС удельный вес интеграционной группировки в мировом ВВП несколько снизился — с 3,9 до 3,6%, при этом ее доля в

Рис. 1. Сдвиги в географической структуре товарной торговли ЕврАзЭС с третьими странами в 2014–2019 гг.: удельный вес региона, в % к итогу

Источник: официальный сайт Европейской экономической комиссии, раздел «Статистика внешней и взаимной торговли товарами». URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx

Кадочников Павел Анатольевич, ведущий научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва), e-mail: plk@iep.ru

¹ Статья подготовлена по итогам проведения исследований и обсуждения стратегии развития евразийской интеграции в 2016–2019 гг.

мировом товарном экспорте и импорте выросла соответственно с 2,3 до 2,5% и с 1,2 до 1,4%².

Характерным сдвигом в географической структуре внешней торговли ЕвразЭС стала переориентация ее внешнеторговых товарных потоков на восточное направление: за 2014–2019 гг. доля стран Европейского союза в товарном экспорте ЕвразЭС в третьи страны снизилась на 8,0 п.п., в импорте — на 5,7 п.п., а удельный вес АТЭС увеличился соответственно с 21,9 до 27,7% и с 38,6 до 44,7%. (См. рис. 1.)

Накопленный опыт показал и новую волну вызовов, связанных с развитием Евразийского экономического союза. Значительная их часть была принесена современными глобальными рисками, действиями крупнейших игроков и торговыми войнами, тенденциями деглобализации и цифровизации.

В октябре 2019 г. Международный валютный фонд (МВФ) понизил прогнозы роста глобального ВВП в 2019 и 2020 гг. на 0,3 и 0,2 п.п. — до 3,0 и 3,4% соответственно — по сравнению с апрельским прогнозом³ [1]. ВТО оценила темпы роста международной торговли товарами в эти годы на уровне 1,2 и 2,7% соответственно⁴. (См. табл. 1.) Очередная волна пессимизма была обусловлена эскалацией торговой войны между США и Китаем, длительным периодом неопределенности в отношении Brexit, дестабилизацией мировых цен на энергоносители в результате усиливающейся геополитической напряженности и долгосрочными негативными структурными факторами, включая низкие темпы роста производительности и старение населения.

Ухудшение торгово-политических взаимоотношений между двумя крупнейшими экономиками мира — США и Китаем — негативно отразилось на их базовых макроэкономиче-

ских параметрах. В 2019 г. темп прироста ВВП США сократился на 0,5 п.п. По прогнозам МВФ, в среднесрочной перспективе американская экономика продолжит развитие умеренными темпами. Ее динамика в значительной степени будет зависеть от реализации первой фазы подписанного 15 января 2020 г. торгового соглашения между США и КНР — увеличения объема закупок в Китае американских промышленных и сельскохозяйственных товаров, энергоносителей и услуг на 200 млрд. долл. в течение двух лет — и последующего возобновления инвестиций. Торговая война привела и к замедлению роста экономики Китая, усилению одного из ключевых рисков ослабления динамики всей мировой экономики.

Дополнительным источником риска для мировой экономики и международной торговли стала вспышка коронавируса в Китае. Последствия эпидемии и карантинные ограничения уже привели к сбоям в работе производственно-логистических цепочек, спаду в туристической отрасли и в сфере розничных (в том числе электронных) продаж. Ожидания дальнейшего развития событий концентрируются вокруг зафиксированной в последнее время тенденции к росту числа выздоравливающих пациентов, что, возможно, приведет к снижению негативного давления на глобальные показатели, но однозначно о разрешении ситуации говорить пока рано.

В итоге факторы дальнейшего развития евразийской интеграции включают в себя сразу несколько структурных трендов.

1. Увеличение доли развивающихся стран в мировом ВВП и экспорте. В 1990 г. соотношение развитых и развивающихся стран в мировой экономике составляло 37:63, сейчас — 60:40. В экспорте в 1990 г. развивающиеся страны обеспечивали лишь 20% экспорта,

² Без учета внутрирегиональной торговли.

³ World Economic Outlook, October 2019: Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/10/01/world-economic-outlook-october-2019>

⁴ WTO lowers trade forecast as tensions unsettle global economy. WTO Press Release, 1 October 2019. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres19_e/pr840_e.htm

Таблица 1
Динамика ВВП крупнейших экономик мира, в % к предыдущему году

Страны АТР	В среднем за 2000-2009 гг.			В среднем за 2010-2019 гг.			В среднем за 2020-2024 гг.			
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.*	2021 г.*	2022 г.*	2023 г.*	2024 г.*	2024 г.*	
США	1,9	2,4	2,9	2,4	2,3	2,1	1,7	1,6	1,6	1,7
ЕС	1,7	2,8	2,2	1,5	1,7	1,6	1,7	1,6	1,6	1,6
Индия	6,9	7,2	6,8	6,1	7,2	7,0	7,4	7,4	7,4	7,3
Китай	10,4	6,8	6,6	6,1	7,6	5,8	5,9	5,7	5,6	5,5
Россия	5,5	1,6	2,3	1,1	1,9	1,9	2,0	2,0	1,9	1,8
<i>Справочно:</i>										
Рост мирового ВВП	3,9	3,8	3,6	3,0	3,8	3,4	3,6	3,6	3,6	3,5
Рост мировой торговли**	5,2	5,7	3,6	1,1	4,6	3,2	3,8	3,8	3,8	3,7

Примечания:

* – Прогнозы.

** – Товары и услуги в физическом выражении.

Источник: IMF World Economic Outlook database, October 2019. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx>

сейчас – 45%, и их доля растет. (См. рис. 2.) Если раньше выгоды от либерализации торговли в основном приходились на развитый мир, ныне они во все большей степени «достаются» Китаю и другим развивающимся странам: именно от их динамики и от рисков в развивающихся странах во все большей степени зависят темпы роста мировой экономики и международной торговли.

2. Долгосрочный тренд по снижению барьеров в торговле товарами. Последние десятилетия, до начала торговой войны, характеризовались сокращением тарифных барьеров. Главными факторами этого сокращения стали снижение тарифной защиты в соответствии с обязательствами стран в ГАТТ/ВТО и расширение льготных тарифов в рамках региональных торговых соглашений. Средний уровень тарифов, применяемых в международной торговле, значительно сократился, в первую очередь благодаря снижению РНБ-тарифов. (См. рис. 3.)

В 2000-е годы широкое распространение получил процесс регионализации – заключения региональных соглашений о свободной торговле. Вместе с увеличением количества торговых соглашений на протяжении длительного периода менялись их качественные характеристики, происходило «усложнение» регулирования – в соглашения включалось все большее число дополнительных вопросов, в том числе положений формата ВТО+ и ВТО-Х.

После глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. наблюдалась пауза в расширении системы преференций через региональные торговые соглашения (РТС), а в последние годы наступил некий спад в росте числа новых РТС. (См. рис. 4.)

Последние годы развития регионализма характеризуются усилением тенденций дискриминационной торговой политики по отношению к либерализации торговли, что связано с политическими факторами и укрупнением состава соглашений. Самые яркие примеры: Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство (ВПТПП), вступив-

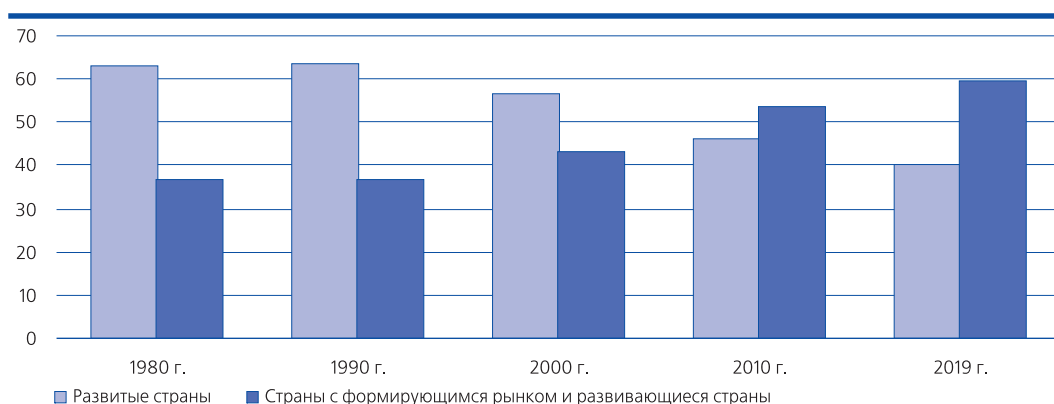
шее в силу 30 декабря 2018 г., и формирование Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), участниками которого являются 16 стран, включая блок АСЕАН, Китай и Японию.

3. Значительная доля иностранных компонентов в экспорте, особенно для развивающихся стран. Современное производство и международная торговля все больше выстраиваются вокруг глобальных цепочек добавленной стоимости. Их развитие привело к значительному росту торговли промежу-

точными товарами и услугами: за 1990–2010 гг. удельный вес промежуточного компонента в мировом валовом экспорте увеличился с 23,8 до 30,5%. В последующий период можно отметить некоторое сокращение этой доли до примерно 28%, но в целом степень вовлеченности стран мира в производственно-сбытовые цепочки остается высокой. (См. рис. 5.)

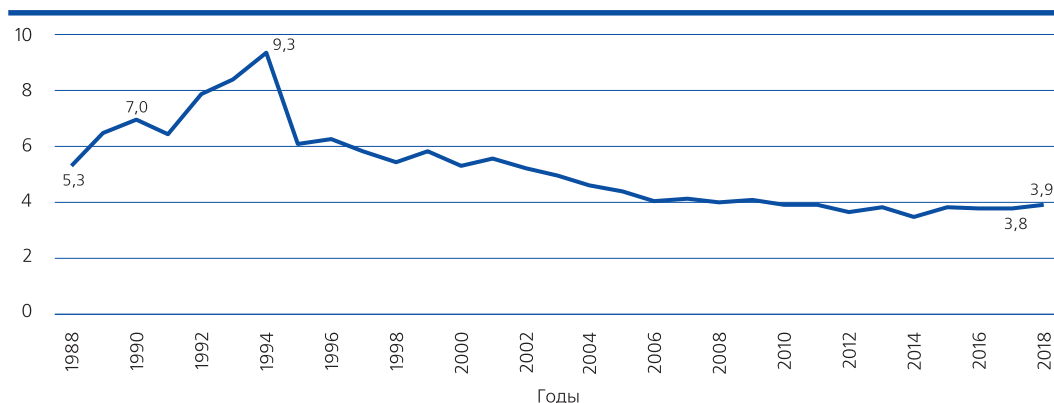
4. Увеличение доли услуг в международной торговле и расширение торговли, связанной с различными формами цифрового взаимодействия. В результате опе-

Рис. 2. Доля стран в мировом ВВП (по ППС) в 1980–2019 гг., в % по типам стран

Источник: расчеты автора на основе данных IMF World Economic Outlook database, October 2019. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/index.aspx>

Рис. 3. Среднемировая торгово-взвешенная ставка применяемого тарифа режима наибольшего благоприятствования в 1988–2018 гг., в %

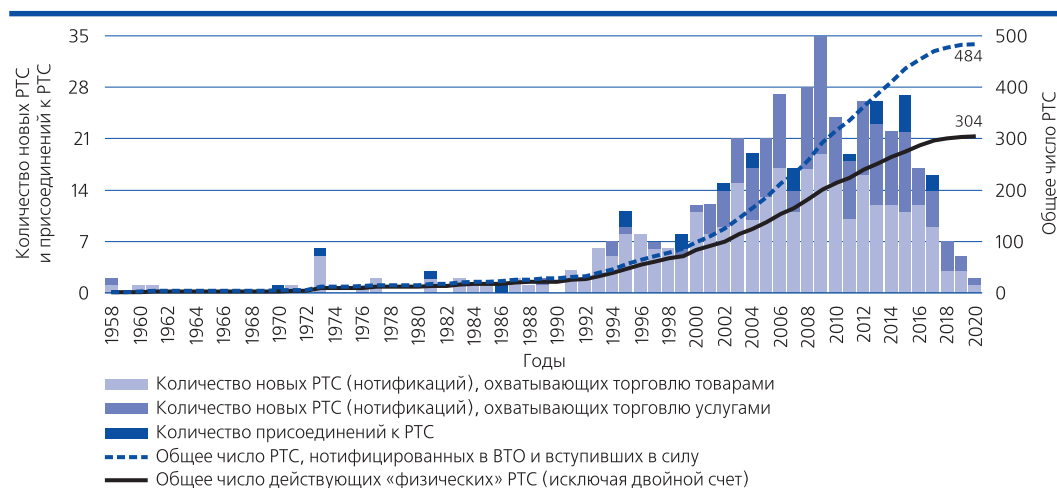

Источник: данные WITS (URL: <http://wits.worldbank.org/>) на основе запроса к БД UNCTAD TRAINS.

режающего роста удельный вес услуг в мировой торговле повышается: за 2000–2018 гг. он вырос с 18,8 до 22,5%⁵. Неотъемлемой частью международной торговли становится электронная коммерция – от цифровых платформ продажи и поставки товаров и услуг до цифровых товаров, поставляемых через Интернет. Онлайн-ритейл по всему миру отвоевывает

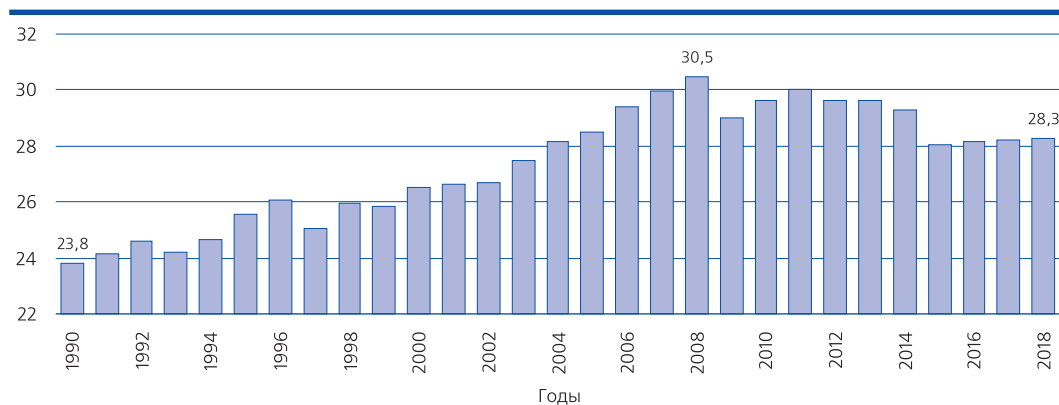
долю рынка у традиционной (офлайновой) торговли: по данным eMarketer, в 2019 г. глобальный объем электронной коммерции достиг 3,5 трлн. долл. Несмотря на снижение динамики, рост электронной торговли продолжится и в 2023 г. и превысит 6,5 трлн. долл. Доля E-commerce в совокупном объеме розничных продаж в мире увеличится в 2017–

Рис. 4. Количество РТС в мире в 1958–2020 гг.

Источник: WTO RTA-IS. URL: <http://rtais.wto.org/UI/charts.aspx>

Рис. 5. Удельный вес иностранной добавленной стоимости (промежуточного компонента) в мировом валовом экспорте в 1990–2018 гг., в %

Источник: расчеты автора на основе данных UNCTAD-Eora Global Value Chain Database. URL: <https://www.worldmrio.com/unctadgvc/>

⁵ Рассчитано на основе данных ВТО (WTO Data). URL: <https://data.wto.org/>

2023 гг. с 10,4 до 22,0% (в 2019 г. она составила 14,1%). (См. рис. 6.)

К перечисленным внешним вызовам можно добавить целый ряд внутренних, характерных сегодня для Евразийского экономического союза и не находящих пока решения: конфликты элит стран-участниц; дефицит реальных компетенций органов Союза; сомнения относительно приверженности стран-основателей их реальной интеграции, размывающие уже достигнутые результаты; сложные процедуры принятия решений и противоречия. Тогда как масштабы вызовов и скорость их разворачивания требуют сильного коллективного ответа, который Евразийский экономический союз в своей текущей форме не предоставляет.

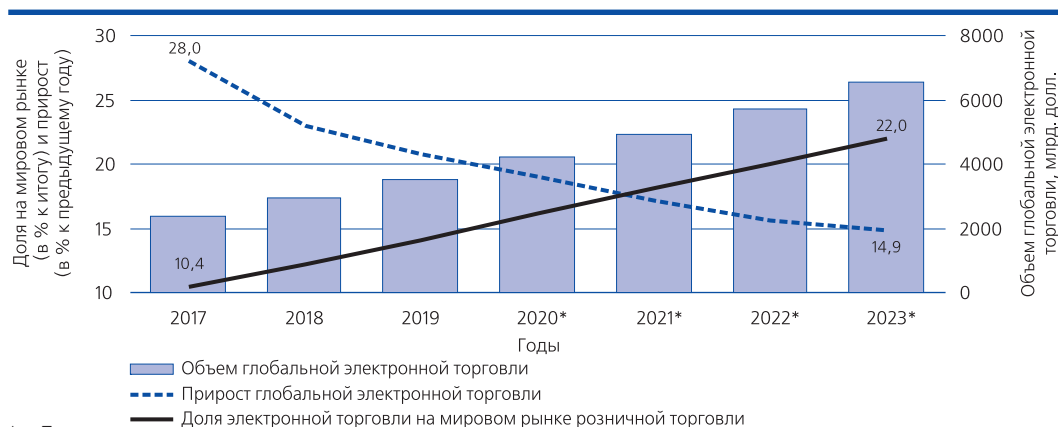
Можно выделить следующие **проблемы развития ЕврАзЭС**:

- отсутствуют баланс достигнутых выгод и экономические стимулы к дальнейшей интеграции стран-участниц;
- выстраивание цепочек добавленной стоимости с третьими странами идет быстрее и эффективнее, чем в Союзе;
- страны-члены ЕврАзЭС часто предпринимают действия, противоречащие интеграционной повестке;

- ограниченная дееспособность органов интеграции Союза;
- страны-участницы в отдельных случаях демонстрируют и отстаивают различные позиции при взаимодействии с третьими странами даже по полномочиям ЕврАзЭС;
- ЕврАзЭС пока еще не приобрел устойчивую узнаваемость не только в мире, но и в самих государствах-членах;
- большинство граждан стран Союза не ощущают значимых выгод от их интеграции;
- не продвигаются переговоры по многим принципиальным вопросам текущей работы и развития Союза.

С учетом особенностей нынешней ситуации и перечисленных выше факторов возможные направления развития Евразийского экономического союза включают в себя три основных блока вопросов: 1) дальнейшее снятие барьеров и ускоренное выполнение «дорожных карт» формирования общих рынков Союза; 2) повышение дееспособности органов Союза для обеспечения нового качества реализации Договора о ЕврАзЭС [6] и 3) реализация совместных проектов и перспективных направлений деятельности ЕврАзЭС, в первую очередь в сфере цифровизации.

Рис. 6. Динамика мировой электронной торговли в 2017–2023 гг.

Источник: Global Ecommerce 2019. eMarketer, Jun 27, 2019. URL: <https://www.emarketer.com/content/global-ecommerce-2019>

1. Дальнейшее снятие барьеров и ускоренное выполнение «дорожных карт» формирования общих рынков ЕврАзЭС.

В сокращении числа изъятий⁶ и ограничений заинтересованы все без исключения страны ЕврАзЭС, и практические шаги в этом направлении внесут значимый вклад в экономический рост отдельных стран и в укрепление Союза в целом. Существенные барьеры на этом пути представляют собой различия в санитарных и фитосанитарных требованиях и в системе технического регулирования, непризнание разрешительных документов для ведения бизнеса, негармонизированное налоговое и торговое законодательство, разные подходы и процедуры осуществления контроля и надзора⁷.

Здесь необходимо учесть асимметрию эффектов от углубления евразийской интеграции. Согласно расчетам, проведенным на основе модели общего равновесия⁸, в снижении нетарифных барьеров внутри ЕврАзЭС в наибольшей степени заинтересованы Армения, Беларусь и Кыргызстан: их относительный ежегодный выигрыш от снижения барьеров будет значительно превышать относительный выигрыш России и Казахстана. (См. табл. 2.) Такой результат связан прежде всего со структурой торговли стран ЕврАзЭС, большей ориентацией Армении, Беларуси и Кыргызстана на внутренний рынок ЕврАзЭС, а России и Казахстана – на внешний. В целом для ЕврАзЭС макроэкономический эффект от снижения барьеров может составить до 1,2% ВВП – такой результат напрямую будет связан с текущей структурой и возможной динамикой взаимной торговли.

Это же касается и перечня выигрывающих и проигрывающих отраслей стран ЕврАзЭС: для каждого участника Союза эти перечни су-

щественно различаются⁹, что требует взаимной поддержки и адаптационных программ и дополнительно осложняет возможности формирования единой переговорной позиции на международных площадках, в том числе касающейся выхода на общую стратегию по участию в больших региональных торговых соглашениях или, например, по участию в неформальных коалициях в ВТО.

2. Повышение дееспособности органов Союза для обеспечения нового качества реализации Договора о ЕврАзЭС.

Желаемый темп развития Евразийского экономического союза будет невозможно обеспечить на практике без решения проблем взаимодействия и результативности в рамках наднациональных органов. Сформированные механизмы взаимодействия, в настоящее время работающие как межгосударственные, необходимо трансформировать в сторону наднациональных.

Это означает необходимость укрепления наднациональной компетенции Европейской экономической комиссии (ЕЭК), сокращения

Таблица 2
Потенциальные ежегодные эффекты для стран ЕврАзЭС от снижения внутренних барьеров (оценки на основе моделей общего равновесия)

Страна	Эффект, в % ВВП	Эффект, млрд. долл.
Армения	6,3	+0,75
Беларусь	12	+6,6
Казахстан	0,5	+0,9
Кыргызстан	7,5	+0,56
Россия	0,8	+10,6
ЕврАзЭС	+1,2	+>19

Источник: рассчитано автором на основе модели общего равновесия.

⁶ Изъятия – это исключения, которые препятствуют функционированию общих рынков, но праву ЕврАзЭС не противоречат, так как предусмотрены соответствующими международными соглашениями.

⁷ О динамике и структуре нетарифных мер, которые применяются в международной торговле, см. [7].

⁸ Подробное описание модели см. в работах [8] и [11].

⁹ Подробнее об интеграции в рамках ЕврАзЭС в контексте снижения внутренних барьеров в целях экономического развития см. [10].

полномочий межгосударственных органов (Совета ЕЭК) в части принятия решений, изменения механизмов принятия решений в коллегии ЕЭК: отход от консенсуса в пользу голосования при сохранении действующего механизма вето; прямое определение национальных, наднациональных и межгосударственных функций и соответствующих органов; сокращение числа вопросов, фактически попадающих в совместную компетенцию, в том числе за счет изменения процедур принятия решений.

Необходимы и оценка эффективности деятельности суда ЕврАзЭС, расширение компетенций и прецедентных практик суда, в том числе в части невыполнения странами-членами принятых обязательств, сохранения/применения ими необоснованных изъятий и ограничений; предоставление ЕЭК права обращаться в суд ЕврАзЭС по вопросам неисполнения сторонами принятых обязательств, введения необоснованных изъятий и ограничений; постепенная выработка системы ответственности сторон.

3. Реализация совместных проектов и перспективных направлений деятельности ЕврАзЭС, в первую очередь в сфере цифровизации.

Определение и практическое осуществление выгод от евразийской интеграции требуют формирования и реализации совместных проектов на пространстве ЕврАзЭС. К числу перспективных направлений относятся:

- Реализация цифровых проектов с использованием имеющихся у стран ЕврАзЭС технологий, в том числе в части формирова-

ния единых для стран Союза бизнес-платформ и платформ оказания государственных услуг (в частности, для малого и среднего бизнеса), облегчения торговли и контрактного взаимодействия. Этому могут способствовать разработка и заключение нового соглашения между странами ЕврАзЭС по цифровой экономике.

- Практическая работа единого рынка ЕврАзЭС без изъятий и ограничений, например для сельскохозяйственных товаров и продовольствия, через формирование транспортно-логистической сети распределения и сбыта продовольствия, производимого в странах ЕврАзЭС, с формированием полноценной безбарьерной среды для перемещения товаров, снижением сроков доставки и повышением качества продукции.
- Реализация объединяющих страны ЕврАзЭС проектов в сферах гуманитарного сотрудничества, науки и технологий, научной, образовательной и профессиональной мобильности граждан, в сферах культуры, кино, туризма и отдыха, развлечений и спорта.
- Осуществление проектов, направленных на интеграцию финансовых систем и финансовых рынков стран ЕврАзЭС, в том числе развитие национальных платежных систем на пространстве Союза, развитие системы денежных переводов между гражданами и организациями в его рамках, меры по расширению взаимных расчетов и расчетов с третьими странами в национальных валютах. ■

Литература

1. База данных Всемирного банка World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/>
2. База данных Всемирного банка World Integrated Trade Solution (WITS). URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/AdvanceQuery/RawTradeData/QueryDefinition.aspx?Page=RawTradeData>
3. База данных Всемирной торговой организации (ВТО) Regional Trade Agreements Database. URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>
4. Вардомский Л.Б. Евразийская интеграция: некоторые итоги и возможные сценарии развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 4. С. 110–126.
5. Гуцин Е.С. Товарная структура экспорта и экономическое развитие ЕАЭС // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 10. С. 22–26.

6. Договор о Евразийском экономическом союзе. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
7. Кадочников П.А., Алиев Т.М., Флегонтова Т.А. Динамика и структура нетарифных мер, применяемых в международной торговле // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 82–101.
8. Кнобель А.Ю. Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 87–108.
9. Кнобель А.Ю., Багдасарян К.М., Лощенкова А.Н., Прока К.А. Санкции всерьез и надолго // Научные доклады: экономика. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
10. Кнобель А.Ю., Спартак А.Н., Баева М.А., Зайцев Ю.К., Левашенко А.Д., Лощенкова А.Н., Прока К.А., Пономарева О.В. Внешнеэкономическая деятельность как источник экономического роста // Научные доклады: экономика. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
11. Кнобель А.Ю., Чокаев Б.В. Возможные экономические последствия торгового соглашения между Таможенным и Европейским союзами // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 68–87.

References

1. World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/>
2. World Bank Open Data — World Integrated Trade Solution (WITS). URL: <http://wits.worldbank.org/WITS/WITS/AdvanceQuery/RawTradeData/QueryDefinition.aspx?Page=RawTradeData>
3. World Trade Organization Data Base (WTO) Regional Trade Agreements Database. URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicMaintainRTAHome.aspx>
4. Vardomsky L.B. Eurasian integration: certain results and possible development scenarios // Russian Foreign Economic Journal. 2019. No. 4. Pp. 110–126.
5. Guschin E.S. Export commodity structure of EAEU // Russian Economic Development. 2017. Vol. 24. No. 10. Pp. 22–26.
6. Treaty on Eurasian Economic Union. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
7. Kadochnikov P.A., Aliev T.M., Flegontova T.A. Dynamics and structure of non-tariff measures practiced in the world trade // Economic Policy. 2018. Vol. 13. No. 6. Pp. 82–101.
8. Knobel A.Yu. Eurasian economic union: prospects of development and possible impediments for the development // Voprosy Ekonomiki. 2015. No. 3. Pp. 87–108.
9. Knobel A.Yu., Bagdasaryan K.M., Loschenkova A.N., Proka K.A. Sanctions in earnest and for a long time // Research Papers: Economics. — М.: Delo Publishers RANEPА, 2019.
10. Knobel A.Yu., Spartak A.N., Baeva M. A., Zaitsev Yu.K., Levashenko A.D., Loschenkova A.N., Proka K.A., Ponomareva O.V. Foreign economic activity as a source for economic growth // Research Papers: Economics. — М.: Delo Publishers RANEPА, 2019.
11. Knobel A.Yu., Chokaev B.V. Possible economic consequences from the trade agreement between Customs Union and European Union // Voprosy Ekonomiki. 2014. No. 2. Pp. 68–87.

On the Prospects for the Development of the Eurasian Economic Union

Pavel A. Kadochnikov — Leading Researcher of the Gaidar Institute, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: plk@iep.ru

The paper considers possible directions for the development of the Eurasian Economic Union (EAEU) in the context of modern trends in international trade related to the changed balance of developed and developing countries, dynamics of barriers to trade, global value chains development and enhancement of the digital trade. The directions include the further removal of barriers and accelerated implementation of roadmaps for the common EAEU markets, increasing the effectiveness of the EAEU institutional bodies and the implementation of joint projects and promising areas of EAEU activities, including in the digital economy.

Key words: International trade, the Eurasian Economic Union (EAEU), regional economic integration, tariff and non-tariff barriers, common EAEU markets.

Промышленность

ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЧЕТВЕРТОМ КВАРТАЛЕ 2019 г.

А. С. КАУКИН
Е. М. МИЛЛЕР

По итогам четвертого квартала 2019 г. обрабатывающий и добывающий сектора российской экономики вернулись к околонулевым темпам роста, спад был отмечен в производстве электроэнергии, газа и воды. Замедление роста добывающего сектора было связано с выполнением соглашения ОПЕК+ по сокращению суточной добычи нефти, сжатием внешнего спроса на российский уголь и газ. Рост в обрабатывающем секторе отмечался в пищевой промышленности, химическом производстве и в металлургии.

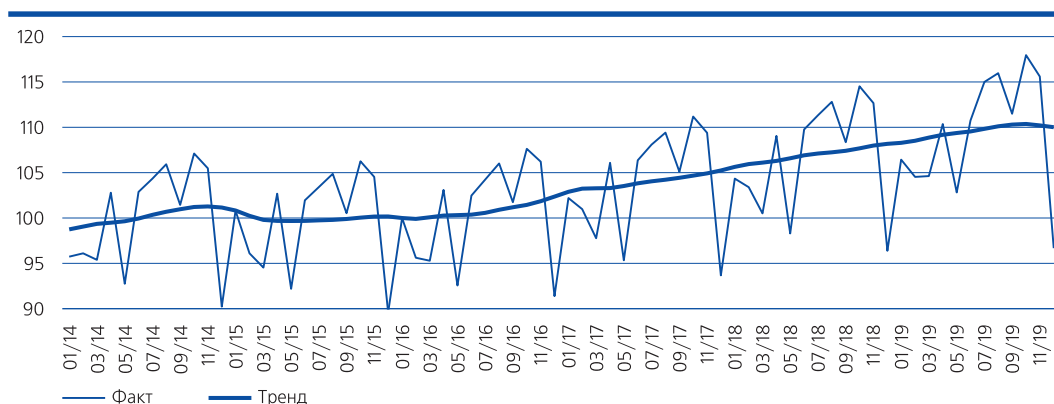
Ключевые слова: промышленность, сектора экономики, добывающая промышленность, обрабатывающие производства, Росстат.

В третьем квартале 2019 г. наблюдался рост промышленного производства [2], который объяснялся положительной динамикой как добывающего, так и обрабатывающего секторов экономики России. Ранее мы отмечали неустойчивость положительной динамики промышленности ввиду сокращения внутрен-

него спроса и краткосрочного характера влияния факторов, обеспечивавших рост (в основном — благоприятной конъюнктурой на мировых рынках).

Экспертами Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара были проведены декомпозиция и выделение трендовой состав-

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства в 2014–2019 гг. (фактические данные и трендовая компонента), в % к январю 2016 г.

Источник: Росстат, расчеты авторов.

Каукин Андрей Сергеевич, заведующий лабораторией системного анализа отраслевых рынков РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; заведующий лабораторией отраслевых рынков и инфраструктуры Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва), e-mail: kaukin@ranepa.ru; Миллер Евгения Михайловна, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: miller-em@ranepa.ru

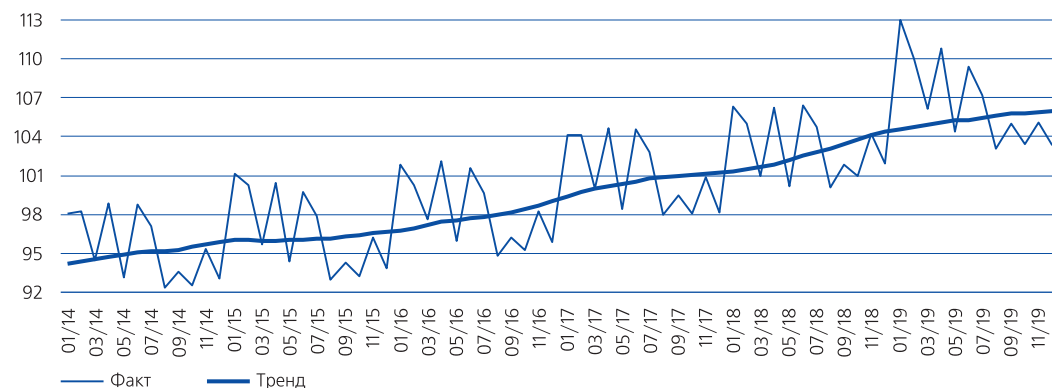
ляющей¹ рядов производства в промышленных отраслях на основе актуальной статистики, публикуемой Росстатом. (Результат обработки ряда индексов промышленного производства представлен на рис. 1.) Из рисунка видно, что в четвертом квартале 2019 г. трендовая составляющая индекса показала близкие к нулевым темпы роста: 99,75% к предыдущему кварталу в добывающем секторе и 99,01% – в обрабатывающих секторах (динамика выпус-

ка в которых представлена на рис. 2). В секторе производства электроэнергии, газа и воды в рассматриваемый период наблюдался некоторый спад – 97,41% к третьему кварталу 2019 г. (См. таблицу.) Далее представлен более подробный анализ динамики выпуска основных отраслей каждого сектора.

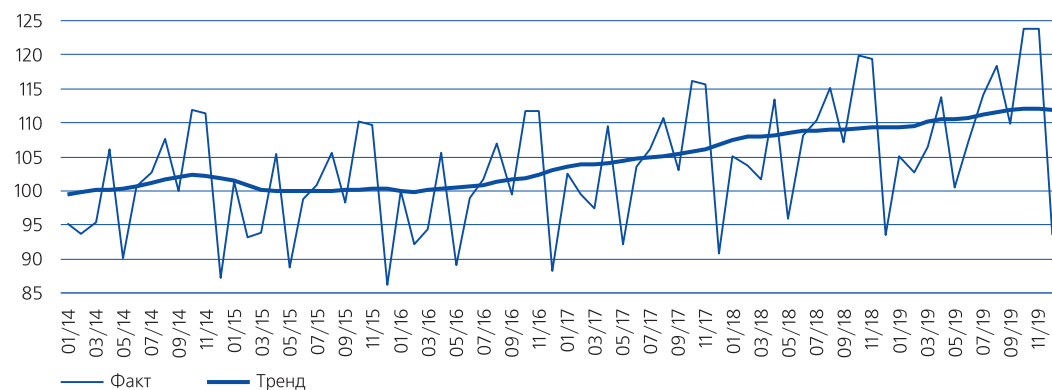
В октябре-ноябре 2019 г. обязательство России по сокращению добычи нефти на 228 тыс. барр./сут. относительно уровня октяб-

Рис. 2. Динамика индексов производства по отраслям в 2014–2019 гг. (фактические данные и трендовая компонента)

Добыча полезных ископаемых, в % к марту 2017 г.

Обрабатывающая промышленность, в % к январю 2016 г.

Источник: Росстат, расчеты авторов.

¹ Для того чтобы с большим основанием говорить о сохранении или преодолении негативных тенденций в отдельных отраслях, необходимо проводить декомпозицию их выпуска на календарную, сезонную, нерегулярную и трендовую; интерпретация последней представляет содержательный интерес. Выделение трендовой составляющей осуществляется с помощью пакета Demetra с использованием процедуры X12-ARIMA.

ря 2018 г. в рамках соглашения ОПЕК+ было выполнено не в полном объеме (на 192 тыс. барр./сут. в октябре 2019 г. и на 177 тыс. барр./сут. в ноябре из-за падения добычи в Саудовской Аравии после воздушных атак на ее нефтяную инфраструктуру, а также ввода новых газовых месторождений с большими объемами газового конденсата). Ограничения в рамках сделки ОПЕК+ остаются одним

из основных факторов, замедляющих рост добычи в нефтедобывающей отрасли: в декабре 2019 г. сокращение добычи составило 234 тыс. барр./сут. к уровню октября 2018 г. (с учетом одобренной ОПЕК+ инициативы по исключению подсчета газового конденсата в квоте на объемы сокращения добычи), обязательства по сделке ОПЕК+ были перевыполнены на 2,6%.

Изменение индекса выпуска по отраслям экономики в 2019 г., в %

	Доля в индексе промышленного производства	Декабрь 2019 г. к июню 2019 г.	Декабрь 2019 г. к декабрю 2018 г.	Изменения последних месяцев
Индекс промышленного производства		100,43	101,69	Стагнация
<i>Добыча полезных ископаемых</i>	34,54	100,64	101,48	Стагнация
<i>Обрабатывающие производства</i>	54,91	100,99	102,28	Стагнация
в том числе:				
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	16,34	107,33	112,54	Рост
Текстильное и швейное производство	1,14	108,01	109,92	Рост
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	0,27	104,98	106,28	Рост
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2,02	99,19	99,94	Стагнация
Целлюлозно-бумажное производство	3,35	92,54	79,61	Спад
Производство кокса, нефтепродуктов	17,25	104,24	104,09	Рост
Химическое производство	7,56	107,75	114,23	Рост
Производство резиновых и пластмассовых изделий	2,14	100,97	98,64	Стагнация
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	4,02	99,47	101,35	Стагнация
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	17,42	107,58	118,06	Рост
Производство машин и оборудования	6,97	103,91	101,32	Рост
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	6,27	101,31	100,44	Стагнация
Производство транспортных средств и оборудования	6,75	107,50	110,80	Рост
Прочие производства	2,42	83,79	78,28	Спад
<i>Производство электроэнергии, газа и воды</i>	13,51	98,74	97,68	Медленный спад
<i>Оптовая торговля</i>		106,53	108,74	Рост
<i>Розничная торговля</i>		101,39	102,06	Медленный рост
<i>Грузооборот</i>		98,36	99,23	Медленный спад
<i>Строительство</i>		100,27	100,18	Стагнация
<i>Объемы платных услуг населению</i>		101,61	104,04	Стагнация

Источник: Росстат, расчеты авторов.

Добыча газа показала в четвертом квартале истекшего года небольшую положительную динамику – 100,2% к аналогичному периоду 2019 г. Однако ослабление внешнего спроса со стороны европейских стран в дальнейшем может существенно повлиять на динамику отрасли: сделки РЕПО² по продаже газа из европейских хранилищ Газпромбанку помогли нарастить экспорт лишь в октябре-ноябре 2019 г., тогда как в декабре европейские хранилища вновь оказались переполненными. В следующем году ситуацию может поправить рост поставок по новому газопроводу «Сила Сибири», введенному 02.12.2019 г. (за декабрь 2019 г. по нему было поставлено 328 млн. куб. м).

Выпуск в угольной промышленности по-прежнему стимулировали снижение тарифа (введение понижающего коэффициента в размере 0,9259 к действующим тарифам раздела 2 Прейскуранта № 10-01) на экспортные перевозки энергетического угля в направлении припортовых станций Северо-Кавказской железной дороги, введенное 01.07.2019 г., а также снижение тарифа на экспортные перевозки со станций Кемеровской области в направлении припортовых станций Октябрьской, Северной и Калининградской железных дорог (с 1 ноября 2019 г.)³. Скидка на экспортные перевозки действовала до 31 декабря 2019 г.

Анализ трендовых составляющих выпуска отдельных отраслей обрабатывающей промышленности (см. таблицу) выявил, в частности, следующие закономерности:

- Перечень отраслей, выпуск в которых демонстрировал рост, не изменился по сравнению с третьим кварталом 2019 г. Источники роста также остались прежними: пищевая промышленность – за счет хорошего

урожая зерна, зернобобовых, картофеля и овощей, который оказался значительно выше, чем в 2018 г.; химическая отрасль – в основном за счет фармацевтической продукции (увеличение спроса на отечественные дженерики со стороны стран СНГ); металлургия – за счет формирования товарных запасов потребителей металлов. Несмотря на то что рост показали отрасли, составляющие более 70% ВДС обрабатывающей промышленности, результирующий показатель по обрабатываемому сектору продемонстрировал околонулевые темпы роста (данное расхождение наблюдается и в первичной статистике Росстата по индексам производства; интерпретация результатов по обрабатываемому сектору в целом, по всей видимости, требует уточнения Росстатом данных оперативной статистики).

- Заметный спад (79% в декабре 2019 г. к аналогичному периоду прошлого года) был отмечен в целлюлозно-бумажном производстве, что объясняется временной паузой, связанной с вводом новых и модернизацией существующих производственных мощностей⁴.

В состоянии стагнации находились обработка древесины и производство изделий из дерева (последствия лесных пожаров в Сибири и на Дальнем Востоке); производство резиновых и пластмассовых изделий (уменьшение доли на рынке шин и покрышек отечественных производителей до 49%⁵); производство прочих неметаллических минеральных продуктов (околонулевые темпы роста основного потребителя – в строительной отрасли).

² Для ПАО «Газпром» сделки сырьевого РЕПО являются инструментом управления оборотным капиталом, позволяя монетизировать собственные запасы газа в периоды низкого спроса. Де-юре смена собственника считается экспортом, но фактически это объем поставок в счет следующего периода.

³ Понижающий коэффициент был введен в июле 2019 г. из-за ухудшения спроса на западных рынках.

⁴ Капитальные вложения в отрасль выросли в 2018 г. по сравнению с предыдущим годом на 20%, основная часть из которых была направлена на технологическое обновление. См., например, [1].

⁵ Согласно маркетинговому исследованию «Рынок шин и покрышек в России: исследование и прогноз до 2023 года», подготовленному маркетинговым агентством ROIF Expert, рынок впервые поменял свою структуру. Ретроспективный анализ свидетельствует о том, что традиционно на рынке большую долю занимали отечественные производители.

Оптовая торговля по результатам четвертого квартала продемонстрировала рост. Платные услуги населению показали околонулевые темпы роста, причиной которых стала стагнация реальных располагаемых доходов населения. Объемы строительства продолжали расти невысокими темпами (100,18% в декабре 2019 г. к декабрю предыдущего года). Продолжился спад грузооборота транспорта (99,23%).

Положительная динамика в обрабатывающем секторе не вызывает уверенности в сохранении данной тенденции в будущем, так

как рост происходит в условиях невысоких инвестиций в основной капитал. Это означает, что используются в основном имеющиеся мощности, а при слабом спросе промышленность растет за счет пополнения запасов. Учитывая роль топливно-энергетических отраслей для экономики России, дополнительные опасения вызывает решение ОПЕК+ о новом сокращении добычи нефти (с 1 января по 31 марта 2020 г. Россия должна сократить добычу на 300 тыс. барр./сут. по сравнению с сокращением на 228 тыс. барр./сут. в конце 2019 г.). ■

Литература

1. Голубкина М. Масса возможностей // Российская газета. 12.09.2019. URL: <https://rg.ru/2019/09/12/reg-szfo/po-prognozu-moshchnosti-celliulozno-bumazhnoj-promyshlennosti-v-rf-vyrastut.html>
2. Каукин А.С., Миллер Е.М. Динамика промышленного производства в третьем квартале 2019 г.: конъюнктурные факторы // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 11. С. 31–37.

References

1. Golubkina M. Host of possibilities // Rossiiskaya Gazeta. 12.09.2019. URL: <https://rg.ru/2019/09/12/reg-szfo/po-prognozu-moshchnosti-celliulozno-bumazhnoj-promyshlennosti-v-rf-vyrastut.html>
2. Kaukin A.S., Miller E.M. Dynamics of industrial production in Q3 2019: market factors // Russian Economic Development. 2019. Vol. 26. No. 11. Pp. 31–37.

Industrial Production Dynamics in Q4 2019

Andrey S. Kaukin – Head of Department for System Analysis of Sectoral Markets of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of Sectoral Markets and Infrastructure Department of the Gaidar Institute, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: kaukin@ranepa.ru
Eugenia M. Miller – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: miller-em@ranepa.ru

As seen by the period-end results of Q4 2019, the manufacturing and extractive sectors of the Russian economy once again displayed a near-zero growth, while production of electric energy, gas and water declined. Growth slowdown in the extractive sector occurred as a result of the implementation of the OPEC+ deal concerning daily oil production cuts, coupled with shrinking demand for Russia's natural gas and coal exports. Growth in the manufacturing sector was displayed by the food industry, chemical production, and metallurgy.

Key words: industry, economic sectors, mining industry and manufacturing, Rosstat.

РОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ЯНВАРЕ 2020 г.

С. В. ЦУХЛО

Медленное торможение спроса обуславливает сдерживание роста выпуска промышленности. При этом планы и прогнозы предприятий все еще сохраняют стабильный уровень оптимизма. Из-за дефицита кадров промышленные предприятия прилагают значительные усилия для удержания работников и планируют расширение их найма.

Ключевые слова: российская промышленность, спрос, выпуск, занятость, запасы готовой продукции, кредитование промышленности, персонал, инвестиции, фактические изменения и ожидания.

В январе 2020 г. тенденции в динамике спроса на промышленную продукцию сохранились. Очищенный от сезонных и случайных факторов баланс изменений продаж продолжил медленное снижение: за 12 месяцев 2019 г. этот показатель потерял 3,5 пункта, а в январе 2020 г. — еще 0,4 пункта. Прогнозы продаж, демонстрировавшие в течение 11 месяцев 2019 г. удивительную стабильность в интервале +3 — +4 пункта, в декабре символически опустились до +2 пунктов и остались на таком уровне в январе 2020 г. Оптимизма относительно будущего спроса в промышленности, таким образом, стало меньше.

В январе текущего года промышленность справилась с декабрьским (2019 г.) скачком избыточности запасов готовой продукции: тогда баланс оценок запасов вырос, достигнув 28-месячного максимума, но затем показатель вернулся к прежним уровням. При этом абсолютное большинство производителей считают свои запасы готовой продукции «нормальными»: в январе 2020 г. такие ответы были получены от 76% опрошенных предприятий, что является еще одним абсолютным (историческим — за 1992–2020 гг.) максимумом.

Вполне закономерной реакцией промышленных предприятий на символическое ухудшение динамики спроса и декабрьский рост избыточности запасов готовой продукции стало дальнейшее торможение роста выпуска: в январе баланс (или, в более привычных тер-

минах, темп роста/снижения) фактического выпуска потерял после очистки от сезонных и случайных колебаний еще полпункта.

Планы выпуска российской промышленностью с июля 2019 г. остаются стабильно оптимистичными — об этом свидетельствует превышение баланса планов над балансом фактических изменений выпуска.

Очистка от сезонных и случайных колебаний оценок фактических и ожидаемых изменений цен выявила показательную динамику темпа роста/снижения отпускных цен предприятий в последние 20 месяцев: после мая 2018 г. баланс фактических изменений цен стабильно снижался и в январе 2020 г. достиг уже -1 пункта. Январское (абсолютное) снижение отпускных цен предприятий в последние 20 лет наблюдалось только в действительно кризисном для промышленности январе 2009 г. (несмотря на высокую инфляцию, промышленники снижали тогда цены ввиду того, что кризис для них оказался совершенно неожиданным), и такого не было в кризисном январе 2015 г. (не все предприятия оценивали свое состояние как по-настоящему кризисное).

Кадровая политика российской промышленности третий квартал подряд формируется в условиях дефицита работников — так оценивают предприятия имеющееся у них количество квалифицированных кадров в связи с ожидаемыми ими же изменениями спроса. Последние, напомним, не очень оптимистич-

Цухло Сергей Владимирович, заведующий лабораторией конъюнктурных опросов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва), e-mail: tsukhlo@iep.ru

ны и стали снижаться в последние месяцы. (С июля 2019 г. в российской промышленности доля ответов «недостаточно» относительно этого показателя стабильно превышает долю ответов «более чем достаточно». Такого не было с 2014 г.)

В подобной ситуации промышленность старается удержать имеющихся работников и добилась в этом определенных успехов: фактическая динамика численности кадров в конце 2019 г. выглядела не так пессимистично, как в конце 2018 г., а январь 2020 г. показал даже рост численности занятых на предприятиях. Вторым следствием дефицита кадров стало необычно активное для последних лет намерение предприятий найти новых работников.

Если работников предприятиям не хватает, то мощностями российская промышленность обеспечена с избытком: их дефицит за все 29 лет наших опросов регистрировался только в 2007–2008 гг. С наступлением кризиса 2008–2009 гг. дефицит мгновенно исчез (ему на смену логично пришел значительный

навес избыточных мощностей) и до сих пор не проявился.

В январе 2020 г. опросы зарегистрировали необычно резкие для последних трех лет изменения оценок мощностей предприятиями: доля ответов «более чем достаточно» увеличилась на 11 пунктов за счет такого же снижения доли ответов «достаточно». В результате баланс оценок мощностей повысился до 15-квартального максимума избыточности.

Указанное обстоятельство стало, вероятно, причиной негативного пересмотра предприятиями инвестиционных планов: баланс этих намерений в начале 2020 г. потерял 8 пунктов и ушел «в минус», что нетипично для начала календарного года.

Минимальная предлагаемая банками российской промышленности ставка по кредитам в начале 2020 г. продолжала снижаться: в январе текущего года этот показатель опустился уже до 10,6% годовых в рублях, что стало очередным рекордом. (Между 2009 и 2015 гг. ставка опускалась, в лучшем случае, до 11,8% годовых.) ■

Russian Industrial Sector in January 2020

Sergey V. Tsukhlo — Head of Business Surveys Department of the Gaidar Institute, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: tsukhlo@iep.ru

Downward trend in demand curbs growth of industrial output. At the same time, plans and projections of enterprises still remain optimistic. In the context of personnel shortage businesses put out considerable efforts aimed at keeping their workers and plan to increase employment.

Key words: Russian industry, index of industry adaptation, stock of finished goods, stock of raw materials, stock of materials, demand, employees supply, financial/economic situation.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ (декабрь 2019 – март 2020 гг.)¹

С. П. АУКУЦИОНЕК
А. С. ЕГОРОВ
Т. В. СЕРЖАНТОВА
С. В. БЕЛЯКОВ

В декабре 2019 г. минимального за последние десять лет значения (34%) достиг диффузный индекс запасов готовой продукции – ниже он был лишь трижды: в 1998, 1999 и 2009 гг. Запасы готовой продукции (относительно нормального месячного уровня, соответствующего 100%) тоже заметно снизились, достигнув минимума за 2,5 года (77%).

Среди факторов, сдерживающих производство, по сравнению с данными квартальной давности, заметно (на 19 п.п.) сократилась доля указывающих на недостаток спроса на выпускаемую продукцию (49%). На те же 19 п.п. увеличилась доля предприятий, указавших высокие налоги (31%). Возрос и рейтинг фактора высоких цен на сырье, материалы и полуфабрикаты: прибавив 11 пунктов, – он достиг 29%.

Ключевые слова: Россия, промышленность, промышленные предприятия, уровень цен, заработная плата, занятость, производство, инвестиции, банковская задолженность, объем заказов, объем запасов готовой продукции, загрузка производственных мощностей.

ДЕКАБРЬ 2019 г.

Цены

Падение цен на свою продукцию отметили 20% предприятий, о неизменности сообщили 71%, о повышении – 8%.

Цены на приобретаемую продукцию росли у 40%, не менялись – у 51% и у 9% – снижались.

Соотношение цен и издержек

Неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций отметили около 19% респондентов, благоприятный – 4%. По мнению остальных 77%, соотношение «своих» и «чужих» цен практически не изменилось.

Чаще всего на неблагоприятный сдвиг ценовых пропорций указывали производители

строительных материалов (67%), в легкой промышленности (50%) и на предприятиях лесопромышленного комплекса (40%).

Заработная плата

О ее повышении сообщили 33% предприятий, о сохранении на прежнем уровне – около 52%, о снижении – 15%.

В среднем по всем предприятиям выборки заработная плата за месяц увеличилась на 1% (в предыдущем месяце не менялась). Для промышленных предприятий-респондентов ее средний уровень составил 35 000 руб., а для сельскохозяйственных – 25 000 руб.

Средние доходы высшего управленческого персонала предприятий составили в промышленности 69 000 руб., а в сельском хозяйстве – около 34 000 руб.

Аукуционек Сергей Павлович, руководитель Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: reb@imemo.ru; Егоров Андрей Станиславович, старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: andrese@mail.ru; Сержантова Татьяна Валентиновна, старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: serzhantova@imemo.ru; Беляков Станислав Валерьевич, научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: belyakov_St@mail.ru

¹ Материал подготовлен сотрудниками Центра по изучению переходной экономики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН специально для журнала «Экономическое развитие России» по результатам опроса 200 предприятий всех отраслей и регионов РФ.

Занятость и производство

Около 65% респондентов сообщили о сохранении прежней занятости на своих предприятиях, 25% отметили ее сокращение и 10% — увеличение.

Об увеличении объемов производства по сравнению с предыдущим месяцем сообщили 32% руководителей, 28% отметили сохранение прежних объемов выпуска и 40% — уменьшение.

Инвестиции

Около 8% респондентов отметили рост закупок оборудования, 46% указали на неизменность данного показателя и 6% — на его сокращение. Остальные — 40% предприятий — не закупили оборудование в течение двух и более месяцев подряд (в ноябре 2019 г. — 29%).

Задолженность банкам

Задолженность банкам (у имеющих ее предприятий) составила 80% от уровня, который респонденты считают нормальным для этого месяца (месяц назад — 90%).

Портфель заказов

Портфель заказов у 50% предприятий остался неизменным, у 15% он пополнился и у 35% — «похудел». Рост заказов отмечали в основном в химической (50%) и в легкой (25%) промышленности, а также в лесопромышленном комплексе (20%).

В среднем по выборке объем заказов составил 83% от нормального месячного уровня (в ноябре 2019 г. — 81%). Самый высокий уровень заказов в декабре 2019 г. оказался в химической (103%), легкой (97%) промышленности и в лесопромышленном комплексе (89%), а самым низким он был у производителей строительных материалов (37%) и в металлургии (70%).

Запасы готовой продукции

Около 11% респондентов сообщили об увеличении таких запасов, 43% отметили их уменьшение и около 46% не заметили перемен.

В среднем по выборке запасы готовой продукции составили 77% от нормального для этого месяца уровня (месяц назад — 86%). Самыми большими (в относительном выражении) были запасы у производителей строительных материалов (127%), в легкой (100%) и в химической (80%) промышленности. А самыми незначительными — у предприятий пищевой отрасли (50%) и лесопромышленного комплекса (62%).

Загрузка производственных мощностей

В среднем она составила 80% от нормального уровня (в предыдущем опросе — 79%). Около 22% промышленных предприятий работали менее чем на 1/2 своей мощности, и 42% — более чем на 9/10.

Лидируют по загрузке мощностей предприятия пищевой промышленности (90%), лесопромышленного комплекса (89%) и химической промышленности (88%), а самой низкой она была у производителей строительных материалов (38%) и в металлургии (71%).

Загрузка рабочей силы

Она составила 86% от нормального уровня (в предыдущем месяце — 87%). У 16% предприятий выборки рабочая сила была занята менее чем на 1/2, а у 63% ее загрузка составила более 9/10.

Финансовое положение

Около 11% респондентов оценили финансовое положение своих предприятий как «хорошее», 66% посчитали его «нормальным» и 23% оценили его как «плохое». (См. табл. 1.)

Факторы, лимитирующие производство

В минувшие полгода главным узким местом, по мнению 49% респондентов, являлся недостаток спроса на выпускаемую продукцию. Значимыми ограничителями производства оказались: высокие налоги (31%), высокие цены на

сырье, материалы и полуфабрикаты (29%), недостаток квалифицированной рабочей силы (27%) и нехватка финансовых средств (24%). Меньшее значение имели нехватка рабочей силы (10%) и дефицит оборудования и помещений (8%).

На недостаток спроса чаще всего указывали представители лесопромышленного комплекса (80%) и машиностроения (63%). Высокие налоги ограничивали производство в первую очередь в легкой промышленности (75%), в лесопромышленном комплексе (60%), в пищевой и химической отраслях (по 50%). Высокие цены на сырье, материалы и полуфабрикаты сдерживали производство в основном в пищевой и легкой промышленности (по 50%) и на предприятиях химической промышленности (30%). Дефицит квалифицированной рабочей силы более всего ограничивал производство в легкой промышленности (50%), в лесопромышленном комплексе (40%) и в машиностроении (32%). Нехватку финансовых средств острее всего ощущали производители строительных материалов (60%), в легкой промышленности (50%), в пищевой отрасли и в металлургии (по 25%).

ПРОГНОЗЫ НА МАРТ 2020 г.

Цены

Подорожание своей продукции к марту 2020 г. (по сравнению с декабрем 2019 г.) предсказывают 47% респондентов, 34% не ждут изменений, а у 19% цены снизятся.

Соответствующие оценки для приобретаемых товаров: 77, 17 и 6%.

Средний по выборке ожидаемый к марту 2020 г. прирост цен составит 1,5%, в том числе 0% для производимой и 3% для покупаемой продукции.

Больше всего неблагоприятных ценовых сдвигов опасаются на предприятиях лесопромышленного комплекса: их оценки трехмесячного роста «входящих» цен на 6 п.п. превышают оценки роста «выходящих» цен. Для остальных отраслей этот разрыв ожидается в промежуток от 1 до 4 пунктов.

Заработная плата

Ее повышения ожидают 30%, понижения – 21% и сохранения на прежнем уровне – около 49% предприятий, охваченных опросом.

Общий трехмесячный прогноз по выборке: заработная плата снизится на 1%.

Таблица 1

Отраслевые показатели за декабрь 2019 г., в % (нормальный месячный уровень=100%)

	Загрузка производственных мощностей	Загрузка рабочей силы	Запасы готовой продукции	Заказы	Задолженность банкам	Финансовое положение*
Черная и цветная металлургия	71	73	78	70	-	63
Машиностроение и металлообработка	83	89	74	86	69	84
Химия и нефтехимия	88	95	80	103	53	100
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	89	96	62	89	138	60
Производство стройматериалов	38	45	127	37	-	0
Легкая промышленность	74	100	100	97	95	100
Пищевая промышленность	90	91	50	84	93	75
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	80	86	77	83	80	77
АГРОСЕКТОР	86	90	59	77	54	82

* – Доля предприятий с «хорошим» или «нормальным» финансовым положением, %.

Источник: опросы РЭБ.

Занятость и производство

Сокращения занятости на своих предприятиях ожидают около 31% участников опроса, у 60% она не изменится и у оставшихся 8% – возрастет.

Падение производства на своих предприятиях предполагают 49% респондентов, рост – 28%, остальные 23% не предвидят особых изменений.

Портфель заказов

Ожидается, что он пополнится примерно у 16%, не изменится – у 59% и «похудеет» – у 24% предприятий. Чаще всего роста заказов ожидали производители строительных материалов (33%), в пищевой отрасли (25%), машиностроении (21%) и в лесопромышленном комплексе (20%).

Инвестиции

По сообщению 38% респондентов, оборудование на их предприятиях не закупалось и в ближайшие три месяца закупаться не будет. По остальной части выборки закупки увеличатся на 1%.

Задолженность банкам

Ожидается, что через три месяца задолженность возрастет у 16% предприятий выборки, не изменится – у 25% и у 14% – уменьшится. Остальные – 45% производителей – не пользуются банковским кредитом. Средняя ставка, по которой предвидится получение рублевых кредитов, – 9% годовых.

Финансовое положение

Через три месяца его улучшения ожидают 13% предприятий, 15% предполагают его ухудшение и примерно у 73% оно не изменится. (См. табл. 2.)

СЕКТОРА ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(Производство потребительских товаров – сектор 1, производство инвестиционных товаров – сектор 2)

Цены

В декабре 2019 г. по сравнению с предыдущим месяцем ухудшение соотношения «своих» и «чужих» цен отметили 18% производителей

Таблица 2

Отраслевые прогнозы на март 2020 г., в % (декабрь 2019 г.=100%)

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования	Банковский процент*	Финансовое положение**	Портфель заказов**
Черная и цветная металлургия	101	103	98	99	100	12	49	50
Машиностроение и металлообработка	101	103	100	98	90	9	53	50
Химия и нефтехимия	102	103	99	100	113	9	41	25
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	98	104	98	100	100	8	60	60
Производство стройматериалов	97	101	97	71	100	6	16	49
Легкая промышленность	100	103	101	97	100	6	50	25
Пищевая промышленность	102	105	103	101	126	12	50	50
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	100	103	99	97	101	9	49	45
АГРОСЕКТОР	-	-	-	-	104	8	56	62

* – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении.

** – Диффузный индекс: доля предприятий (%), чей показатель к марту 2020 г. улучшится (увеличится).

Источник: опросы РЭБ.

потребительских товаров и 8% – инвестиционных. Ощувивших улучшение в первом секторе было 9%, а во втором таковых не оказалось.

Предполагается, что к марту 2020 г. цены возрастут на 2% в секторе потребительских товаров и на 1% – в секторе инвестиционных. Цены на покупаемую продукцию, по прогнозам руководителей предприятий, возрастут на 5% в первом и на 3% – во втором секторе.

Загрузка производственных мощностей

В декабре 2019 г. она составила 83% в потребительском и 84% – в инвестиционном секторе.

Портфель заказов

Этот показатель составил 91% от нормального месячного уровня в первом и 86% – во втором секторе.

Роста заказов через три месяца ожидают 27% предприятий потребительского и 13% инвестиционного сектора, а уменьшения – 27% в первом и 25% во втором секторе.

Финансовое положение

Как «плохое» в декабре 2019 г. его оценили 18% производителей потребительского и 22% инве-

стиционного сектора, как «нормальное» – 73% в первом и 65% предприятий во втором секторе. В потребительском секторе 9% руководителей считают финансовое состояние своего предприятия «хорошим»; в инвестиционном секторе таких предприятий оказалось 13%.

К марту 2020 г. ожидают улучшения своего финансового состояния 27% производителей потребительского сектора и 8% предприятий инвестиционного. Опасаются ухудшения ситуации 9% в первом и 4% – во втором секторе.

СРАВНЕНИЕ ДЕКАБРЯ 2019 г. С ДЕКАБРЕМ 2018 г.

Соотношение цен и издержек

Заметно улучшился баланс оценок динамики «входящих» и «выходящих» цен: неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций год назад отметили 23% респондентов, а благоприятный не отметил никто; в декабре 2019 г. таковых было 19 и 4% соответственно.

Заработная плата

Год назад о ее повышении сообщали 31%, о снижении – 19% предприятий; ныне – 33 и 15% соответственно.

Таблица 3
Отраслевые прогнозы на июнь 2020 г., в % (декабрь 2019 г.=100%)

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Выпуск*	Финансовое положение**
Черная и цветная металлургия	101	105	101	98	101	72
Машиностроение и металлообработка	101	103	101	97	94	64
Химия и нефтехимия	104	105	99	99	100	59
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	103	105	96	96	95	40
Производство стройматериалов	93	98	93	78	86	33
Легкая промышленность	103	104	105	95	81	37
Пищевая промышленность	101	101	104	99	99	50
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ***	101	103	100	96	95	56
АГРОСЕКТОР	100	104	103	98	95	62

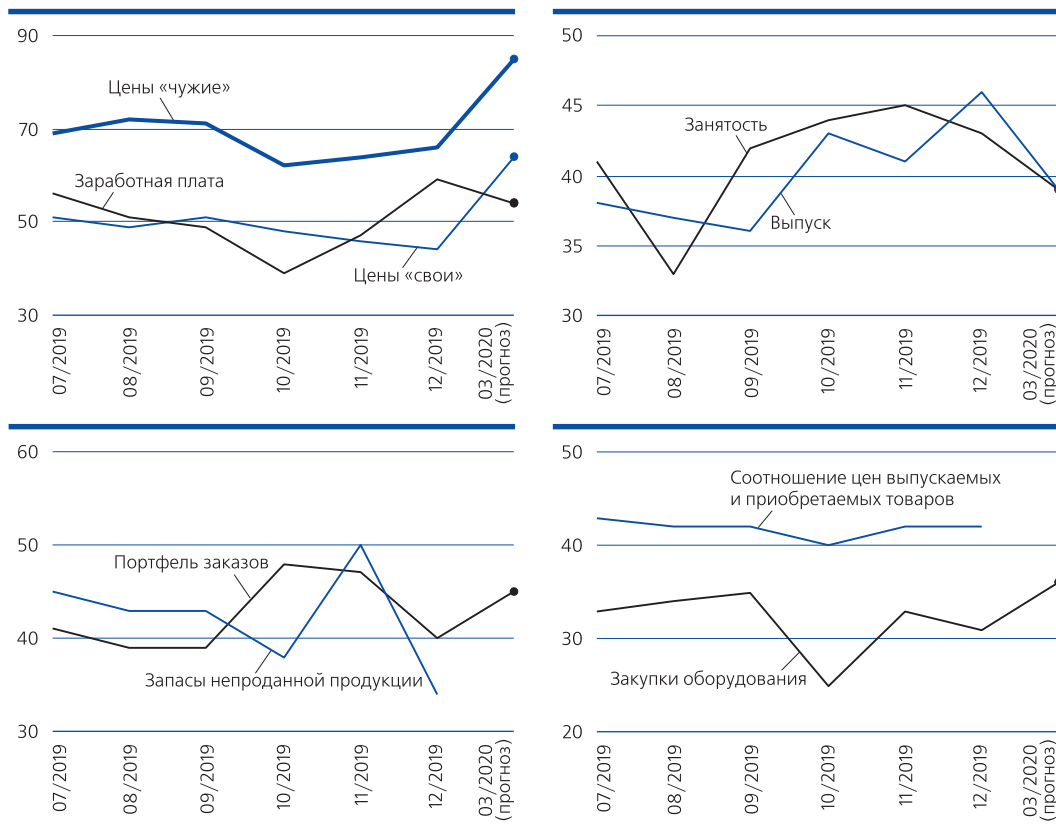
* – Реальный объем продукции, работ, услуг.

** – Доля предприятий (%), чье финансовое положение через 6 месяцев улучшится (дифф. индекс).

*** – Включая предприятия без отраслевой идентификации.

Источник: опросы РЭБ.

Диффузные индексы, в %

Таблица 4
Диффузные индексы: предприятия с растущими показателями
(по сравнению с предыдущим месяцем), в %*

	07/19	08/19	09/19	10/19	11/19	12/19	03/20 (прогноз)**
Цены «свои»	51	49	51	48	46	44	64
Цены «чужие»	69	72	71	62	64	66	85
Зарплата	56	51	49	39	47	59	54
Занятость	41	33	42	44	45	43	39
Выпуск	38	37	36	43	41	46	39
Портфель заказов	41	39	39	48	47	40	45
Запасы непроданной продукции	45	43	43	38	50	34	-
Соотношение цен выпускаемых и приобретаемых товаров	43	42	42	40	42	42	-
Закупки оборудования	33	34	35	25	33	31	36

* – Диффузный индекс (D) определяется по формуле $D = (A + 0.5 \cdot B) \cdot 100\% / N$, где А – число предприятий, сообщивших об увеличении/улучшении показателя; В – число предприятий, у которых он остался примерно на том же уровне; N – общее число ответивших.

** – Март 2020 г. по сравнению с декабрем 2019 г.

Источник: опросы РЭБ.

Занятость и производство

Пропорция между предприятиями, где численность персонала сократилась и увеличилась, в декабре 2018 г. составила 33:7, а в декабре 2019 г. – 25:10.

Аналогичные соотношения по выпуску составили: в 2018 г. – 28:44, а в 2019 г. – 40:32.

Инвестиции

Немного уменьшилась доля предприятий, не закупающих оборудование в течение двух и более месяцев подряд: с 41% в декабре 2018 г. до 40% ныне.

Кредит

Относительная задолженность банкам предприятий-должников за год сократилась на 12 п.п.: с 92% (от нормального месячного уровня) в декабре 2018 г. до 80% в декабре 2019 г. При этом доля предприятий, регулярно пользующихся банковским кредитом, за это время уменьшилась на 4 п.п.: с 59% в 2018 г. до 55% ныне.

Портфель заказов

Чуть ухудшился баланс предприятий по динамике портфеля заказов: год назад пропорция между числом предприятий с пополнившимся портфелем и «похудевшим» составляла 9:28, а ныне – 15:35. Его относительная наполненность за это время увеличилась на 1 пункт: с 82% в 2018 г. до 83% в 2019 г. (считая от нормального месячного уровня, соответствующего 100%).

Запасы готовой продукции

В лучшую сторону изменилось соотношение числа предприятий, где происходило накопление и сокращение таких запасов: в декабре 2018 г. оно равнялось 20:45, а в декабре 2019 г. – 11:43. При этом относительный объем запасов за год уменьшился на 8 п.п.: с 85% в 2018 г. до 77% в 2019 г.

Загрузка производственных мощностей

По сравнению с прошлым годом она уменьшилась на 1 п.п.: с 81% (относительно нормального месячного уровня) в декабре 2018 г. до 80%

Таблица 5
Изменение трехмесячных прогнозов за 12 месяцев, в %*

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования**	Банковский процент***
Черная и цветная металлургия	-2	0	-5	-2	0	-
Машиностроение и металлообработка	-2	-2	0	+1	-6	0
Химия и нефтехимия	-4	-3	-4	-2	-17	-3
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	-2	-2	0	+2	0	0
Производство стройматериалов	-6	-9	+1	-	0	-6
Легкая промышленность	-2	-6	-1	-4	+25	-8
Пищевая промышленность	+2	+3	+3	+2	+1	0
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	-3	-3	-1	-1	+1	-1
АГРОСЕКТОР	-	-	-	-	+7	-1

* – Приведены разности между оценками трехмесячных изменений, предсказанных респондентами в декабре 2019 г. и в декабре 2018 г.

** – Реальный объем закупок оборудования.

*** – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении: изменения абсолютного уровня за 12 месяцев (процентные пункты).

Источник: опросы РЭБ.

в декабре 2019 г. При этом число предприятий, работающих менее чем на 1/2 своей мощности, увеличилось на 16 п.п.: с 6% в 2018 г. до 22% в 2019 г.; а доля предприятий, загруженных более чем на 9/10 своих мощностей, увеличилась на 3 п.п.: с 39% в 2018 г. до 42% в 2019 г.

Загрузка рабочей силы

За год она уменьшилась: с 89% (от нормального уровня) в декабре 2018 г. до 86% в декабре 2019 г. В 2018 г. на 3% предприятий выборки рабочая сила была занята менее чем на 1/2; ныне таких предприятий оказалось 16%.

Финансовое положение

Заметно уменьшилась доля финансово благополучных предприятий: с 94% в 2018 г. до 77% в 2019 г.

Трехмесячные прогнозы

Ожидаемый ежемесячный темп прироста цен

заметно уменьшился: с +1,5% в декабре 2018 г. до +0,5% в декабре 2019 г.

Почти не изменились прогнозы, связанные с объемом портфеля заказов: год назад его пополнения ожидали 16% и 23% предполагали его сокращение; ныне — соответственно 16 и 24%.

В лучшую сторону изменились показатели инвестиционной активности предприятий: год назад около 41% предприятий не закупали и не собирались (в течение трех месяцев) закупать оборудование; ныне их доля составила 38%.

Что касается банковской задолженности, то год назад 14% предприятий ожидали ее роста, а 28% — сокращения; в декабре 2019 г. эти показатели составили 16 и 14% соответственно.

И наконец, прогнозы финансового состояния: год назад его улучшения в течение трех месяцев ожидали 13%, а ухудшения — тоже 13% предприятий; ныне эти показатели составили 13 и 15% соответственно. (См. табл. 5.) ■

Survey of Current Business (December 2019 – March 2020)

Sergey P. Aukutsionek — Head of Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: reb@imemo.ru

Andrey S. Yegorov — Senior Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: andrese@mail.ru

Tatyana V. Serzhantova — Senior Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: serzhantova@imemo.ru

Stanislav V. Belyakov — Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: belyakov_St@mail.ru

In December 2019, the diffusion index of stocks of finished products reached the lowest value for 10 years (34). It was lower only three times: in 1998, 1999 and 2009. Stocks of finished products (relative to the normal monthly level = 100) also decreased significantly, reaching a minimum for 2.5 years (77%).

Among the factors that constrain production, compared with a quarter ago data, the share of enterprises indicating a lack of demand for manufactured products has decreased significantly — by 19 percentage points and reached 49%. The share of enterprises that indicated high taxes increased by the same 19 percentage points and amounted to 31%. The rating of the factor of high prices for raw materials, materials, and semi-finished products also increased: adding 11 points, it reached 29%.

Key words: Russia, industry, industrial enterprises, price level, wages, employment, output, investment, indebtedness to banks, order-book level, stocks of finished products, capacity utilization rate, financial situation, production restrictive factors.

СОДЕЙСТВИЕ ЗАНЯТОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: КАК СКОРРЕКТИРОВАТЬ ГОСПРОГРАММУ

Н. И. ШАГАЙДА
А. А. ПОТАПОВА

Государство реализует политику развития рынка труда (кадрового потенциала) на селе в рамках Государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» (далее – Госпрограмма)¹. Предполагается, что субсидирование затрат работодателя на обучение нужным сельскому хозяйству специальностям будет способствовать достижению целей Госпрограммы – повышению уровня занятости сельского трудоспособного населения к 2025 г. Однако анализ положений программы дает повод для сомнений в отношении достижимости намеченных показателей. Проект новой версии Госпрограммы лишь частично улучшает уже существующий механизм ее реализации.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельское население, Госпрограмма «Комплексное развитие сельских территорий», ученический договор.

Госпрограмма включает мероприятия по субсидированию затрат сельхозпроизводителей по так называемым ученическим договорам².

Однако механизм их субсидирования вызывает ряд вопросов. Частично предложения уже учтены в проекте Постановления Правительства РФ «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации "Комплексное развитие сельских территорий"», который обсуждается в настоящее время³ (далее – проект новой версии Госпрограммы).

Во-первых, кто может заключать ученические договоры? В Госпрограмме определены получатели субсидий по заключенным ученическим договорам⁴: индивидуальные предприниматели (ИП), крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ) и организации-сельхозтоваропроизводители. Эти же лица, но в другой

редакции, поименованы в проекте новой версии Госпрограммы, что противоречит ст. 198 Трудового кодекса (ТК) РФ, согласно которой заключать ученические договоры может только юридическое лицо. О том, что ИП и КФХ без статуса юридического лица не могут заключать такого рода договоры, они узнают только во время проверки правомерности расходования государственных средств, поскольку проверяющий может руководствоваться не только Госпрограммой, но и другими действующими законами.

Во-вторых, какие именно затраты работодателя будут субсидироваться? В Госпрограмме указано, что это будут затраты по ученическим договорам. В проекте новой версии Госпрограммы сюда еще включены и договоры о целевом обучении. Если условия договора о целевом обучении довольно подробно опи-

---

Шагайда Наталья Ивановна, директор Центра агропродовольственной политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; заведующий лабораторией аграрной политики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, д-р экон. наук (Москва), e-mail: shagaida@ier.ru; *Потапова Александра Андреевна*, младший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: potapova-aa@ranepa.ru

¹ Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696.

² Второе направление: субсидирование фактически понесенных затрат, связанных с оплатой труда и проживанием студентов – граждан Российской Федерации, – здесь не рассматривается, поскольку требует отдельного обсуждения.

³ URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=99477>

⁴ Ученический договор – договор на получение образования без отрыва или с отрывом от работы (ст. 198 ТК РФ).

саны в Положении о целевом обучении по образовательным программам среднего профессионального и высшего образования⁵, то по ученическим договорам этого нет. Так, согласно ст. 204 ТК РФ ученикам в период ученичества⁶ выплачивается стипендия, размер которой определяется ученическим договором и зависит от получаемой квалификации, но не может быть ниже МРОТ. Кроме того, в ученическом договоре могут быть прописаны и другие обязанности работодателя по обеспечению обучения⁷, в качестве которых может выступить или не выступить оплата обучения, переезд и проживание в другой местности и т.д. Интервью чиновников⁸ и объявления в аграрных вузах⁹ содержат информацию о том, что, согласно Госпрограмме, субсидируется обучение, затраты работодателя на которое не предусмотрены в обязательном порядке по ученическому договору.

При этом ученические договоры – в соответствии с ТК РФ – могут содержать обязательства по широкому кругу расходов работодателя, но исключать плату за обучение, так как учащийся может поступить и на бесплатное обучение в расчете на прибавку к стипендии за счет работодателя. Таким образом, у работодателя могут возникнуть проблемы как с получением субсидии, так и после ее получения при проверке правомерности получения.

В-третьих, неясно, с кем работодатель может заключить ученический договор, чтобы получить субсидию. Согласно ТК РФ работодатель имеет право заключать его с лицом, ищущим работу, или с работником данной организации. В Госпрограмме же записано, что субсидию может получить сельхозтоваро-

производитель, заключивший ученический договор только с работником организации. Согласно ст. 187 ТК РФ «при направлении работодателем работника на профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование ... с отрывом от работы за ним сохраняются место работы (должность) и средняя заработная плата по основному месту работы».

Таким образом, работодатель по трудовому договору с работником организации должен выплачивать ему заработную плату, а по ученическому договору – стипендию и может покрывать другие расходы на обучение. Можно ли заключить договор с выпускником сельской школы? По Трудовому кодексу, можно – под обязательство вернуться к потенциальному работодателю. Но согласно действующей Госпрограмме – нет. Нужно принять работника на работу (чего требует Госпрограмма), начислить ему заработную плату (чего требует в общем виде ТК РФ, ст. 187), заключить ученический договор, по которому предусматриваются оплата проезда, стипендия и плата за обучение. В проекте новой версии Госпрограммы появился пункт о субсидируемом договоре о целевом обучении, который может быть заключен с гражданином Российской Федерации. Это частично решает проблему: ученический договор заключают с работником, а договор о целевом обучении – с тем, кто им не является. Однако это не снимает противоречия с ТК РФ, по которому ученический договор может быть заключен как с работником, так и с будущим работником.

В-четвертых, действующая Госпрограмма установила особые условия для отдельных вузов, которые готовят будущих работников сель-

⁵ Утверждено Постановлением Правительства РФ от 21 марта 2019 г. № 302.

⁶ Период ученичества – срок, необходимый для получения данной квалификации (ст. 200 ТК РФ).

⁷ Ст. 199 ТК РФ.

⁸ Сельхозпредприятиям компенсируют 30% за обучение специалистов и возместят 30% затрат на проведение практики студентов / Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан. URL: <http://agro.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/1501792.htm>

⁹ До 30% стоимости обучения возмещаются субсидией в рамках государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 31 мая 2019 года № 696 / Оренбургский государственный аграрный университет. URL: <https://orensau.ru/ru/abiturientu/9424-vozmeshhenie-do-30-stoimosti-obucheniya-2019>

хозорганизаций: под субсидирование подпадают затраты на обучение в высших учебных заведениях, подведомственных Минсельхозу России. Проект новой версии значительно улучшает механизм Госпрограммы: под него подпадает более широкий круг федеральных государственных образовательных организаций (высшего, среднего и дополнительного профессионального образования), подведомственных как Минсельхозу России (субсидирование до 90%), так и иным федеральным органам исполнительной власти (субсидирование до 30%).

Вместе с тем остается дискриминация по ставке субсидирования, из программы исключаются организации образования, которые подведомственны органам власти других уровней. Еще в 2011 г. Российская Федерация передала субъектам РФ аграрные колледжи. Бывшим сельским ПТУ нужна программа модернизации и переобучения. Они находятся в районах и могли бы обучать сельских детей современным специальностям. Однако ни первые, ни вторые не подпадают под механизм субсидирования. В связи с этим расширение круга организаций в проекте новой версии Госпрограммы, затраты на обучающихся в которых будут субсидироваться, является крайне полезной, но недостаточной инициативой.

В-пятых, какие обязательства возникают у того, кто воспользуется ученическим договором по обязательному сроку работы у сельхозпроизводителя после окончания обучения? Эта проблема в Госпрограмме не урегулирована. Сколько времени должен за это отработать работник, какой уровень заработной платы ему гарантируется? Должны ли быть различия в установлении срока и размера заработной платы, если одному работодателю компенсировали 90% понесенных затрат, а другому — 30%, при том что оба имели договоры с будущими, например, ветеринарами?

В-шестых, ни в действующей Госпрограмме, ни в проекте новой ее версии не предусмотрены гарантии получения субсидий работодателем на весь срок обучения. Каковы

же гарантии, что все работодатели, заключившие договоры в 2020 г., получат субсидии даже в 2021 или в 2022 гг.?

Для молодого человека, который не принял твердого решения оставаться на селе, привязка к месту работы в сельской местности с низкой заработной платой в течение нескольких лет может быть интересна только в случае полного отсутствия средств у семьи или низких результатов абитуриента по ЕГЭ. Наличие альтернатив в виде кредита на образование или подработки студента в городе во время обучения дают возможность получить образование и не быть привязанным к одному сельскому работодателю.

Таким образом, несмотря на стимулы для работодателей, Госпрограмма не создает стимулов для широкого круга потенциальных работников — сельских жителей. Часть из них хотят получить образование, но, не имея средств для обучения, согласны на низкую оплату в течение нескольких лет после окончания обучения. Однако нет никаких гарантий, что эти люди останутся работать на селе. Другая часть — дети фермеров, собственников малых и средних сельхозбизнесов, которые могут стать преемниками своих родителей и жить в сельской местности. Этот круг узок, но надежен — государство поможет выучить этих детей (родители выступают работодателями), и они останутся на селе. Но проблему работы в агрохолдингах, которые испытывают недостаток квалифицированных работников, они не решат, поскольку станут работать в своих семейных бизнесах.

Учитывая все вышеизложенное, было бы целесообразно:

- привести в соответствие с ТК РФ ученический договор, предусмотренный Госпрограммой. Или, наоборот, «развести» ТК РФ и Госпрограмму, изменив название договора между работодателем и потенциальным студентом, принять Положение «О договоре на обучение аграрным специальностям» с подробным описанием всех деталей;

- уточнить перечень расходов, которые будет субсидировать государство;
- уточнить механизм взаимодействия работодателя и обучаемого во время и после окончания обучения, в том числе по сроку отработки и уровню заработной платы, механизму компенсации при нарушении соглашения обучаемым;
- распространить возможность субсидирования затрат на обучение по определенным и нужным на селе специальностям, а не на определенный круг организаций образования;
- предусмотреть гарантии работодателям, заключившим договоры на обучение, по получению субсидий на весь срок обучения потенциальных работников;
- разработать механизм субсидирования (или компенсации в рублях) для того, чтобы им могли воспользоваться все работодатели, заключившие договор (отход от определенных процентов компенсации и переход к получению равных сумм компенсации в зависимости от уровня обучения и бюджета Госпрограммы на год). ■

Employment Promotion in Rural Areas: How Can the State Program Be Properly Adjusted

Natalia I. Shagayda – Director of Center for Agro-Food Policy of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of Agricultural Policy Department of the Gaidar Institute, Doctor of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: shagaida@iep.ru

Alexandra A. Potapova – Junior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: potapova-aa@ranepa.ru

The State is implementing the policy of labor market (human resource) development in rural areas in the framework of the State Program for Comprehensive Development of Rural Areas (hereinafter – State Program). It is expected that the allocation of state subsidies designed to cover the costs of employers incurred by them in the course of training their personnel to acquire the professions needed by the agrarian sector will conduce to the achievement of the State Program's target – an increase, by the year 2025, of the employment rate of able-bodied rural residents. However, an analysis of the State Program's provisions has raised doubts concerning the actual possibility of achieving the set targets. In fact, the draft of the State Program's latest version is capable only of partially improving the existing mechanisms.

Key words: agriculture, rural population, State program for comprehensive, development of rural areas, apprenticeship contract.

Финансовый сектор

ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В 2019 г.

С. А. ЗУБОВ

Рентабельность российского банковского сектора по итогам 2019 г. существенно выросла, несмотря на снижение банковской маржи и замедление темпов роста кредитования. Этому способствовали снижение уровня кредитного риска, а также введение нового порядка учета резервов на возможные потери по кредитным операциям. В целом в 2019 г. темпы роста активов банковского сектора уменьшились.

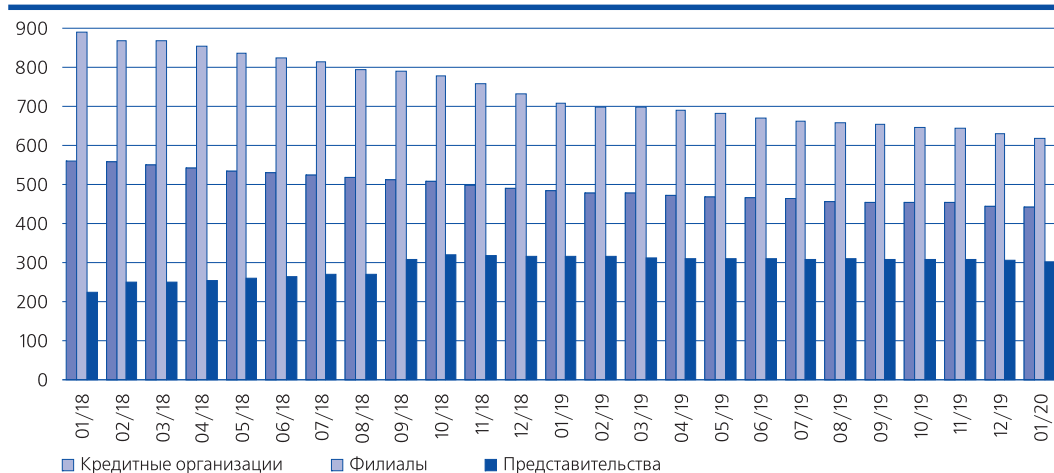
Ключевые слова: российский банковский сектор, рентабельность банковского сектора, банковская прибыль, резервы на возможные потери, достаточность капитала, кредиты банков, просроченная задолженность, комиссионные доходы.

На конец 2019 г. в российской банковской системе функционировали 442 кредитные организации, тогда как годом ранее их число составляло 484. (Для сравнения: семь лет назад, в начале 2013 г., число действующих кредитных организаций превышало тысячу (1094).) Таким образом, ЦБ РФ последовательно продолжает процесс оздоровления банковского сектора. (См. рисунок.)

На 1 января 2020 г. 373 кредитные организации показали прибыль в размере 2196,4 млрд. руб., а 69 банков – убыток в размере 159,6 млрд. руб. В целом доля убыточных организаций в 2019 г. снизилась до 16% (в 2018 г. она составила 29%).

Достаточность капитала¹ остается на приемлемом уровне – норматив достаточности собственных средств в целом по банковскому

Количество кредитных организаций, филиалов и представительств в РФ

Источник: Банк России.

Зубов Сергей Александрович, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук, доцент (Москва), e-mail: zubov@ier.ru

¹ Показатель, отражающий устойчивость финансового учреждения и его возможность полноценно функционировать с учетом вероятных рисков.

сектору на конец года составил 12,4% (при минимальном нормативном значении в 10,0%). Небольшие кредитные организации, не входящие в топ-200 по размеру совокупных активов, более устойчивы по данному показателю — 29,7%.

Банковская система продолжает функционировать в условиях профицита ликвидности: нормативы ликвидности² банковского сектора выполняются большинством кредитных организаций с большим запасом (300–500%).

В 2019 г. активы кредитных организаций выросли к предыдущему году на 2,7% (в 2018 г. — на 10,4%), собственные средства банков — на 7,6% (в 2018 г. — на 3,8%).

Как и годом ранее, источником роста банковского кредитования выступил розничный сегмент. Темпы прироста потребительского кредитования в целом соответствуют показателю 2018 г. и по-прежнему значительно опережают корпоративный сектор: за год прирост в первом составил 22,4% (18,5% за 2018 г.), тогда как прирост корпоративного кредитования замедлился до 1,2% против 10,5% годом ранее.

Таким образом, меры Центрального банка в виде введения с 1 октября 2019 г. показателя долговой нагрузки³ не оказали существенного влияния на темпы прироста потребительского кредитования и скорее привели к обратному эффекту: в связи с увеличившейся нагрузкой на капитал банки сократили финансирование других, менее рентабельных сегментов (корпоративное кредитование). Большинство универсальных кредитных организаций оказались готовы к изменениям и заблаговременно включили в свои методики рекомендации Банка России по оценке кредитоспособности клиентов и продолжили наращивать розничные кредитные портфели.

Впервые за последние годы эффективность кредитования физических лиц превысила эффективность кредитования предприятий: при-

рост процентных доходов по кредитам гражданам за 2019 г. составил 15,5% и достиг 2,2 трлн. руб., тогда как процентные доходы по кредитам предприятиям увеличились на 2,2% (за 2018 г. — снижение на 6,4%), составив 2,1 трлн. руб. Такой эффект был достигнут за счет роста в течение последних лет потребительского и ипотечного кредитования физических лиц, ставки по которым превышают ставки кредитования юридических лиц. Однако в 2020 г. показатели в сегменте кредитования населения могут несколько ухудшиться вследствие мер ЦБ РФ по ограничению темпов роста рынка розничного кредитования.

В 2019 г. просроченная задолженность по кредитам нефинансовым организациям выросла на 25,1%, однако это было обусловлено техническим фактором — включением в этот показатель с 2019 г. просроченной дебиторской задолженности и просроченных приобретенных прав требования (операций по приобретению и переуступке задолженности). По кредитам физическим лицам прирост просроченной задолженности за 2019 г. составил 0,5%. Несмотря на абсолютный рост просроченной задолженности, ее доля в кредитном портфеле банков за истекший год снизилась и на 1 января 2020 г. составила 4,3% (5,1% на 1 января 2019 г.).

На фоне расширения кредитования объемы привлеченных ресурсов демонстрируют слабую динамику. Несмотря на снижение процентных ставок по вкладам, за 2019 г. банкам удалось нарастить вклады физических лиц на 7,3%, что лишь немного уступает соответствующим темпам 2018 г. (8,9%). При этом рост частично объяснялся капитализацией начисленных банками процентов по вкладам. Общее увеличение вкладов в целом способствует замедлению роста чистого процентного дохода из-за относительно высокой стоимости этого вида банковских обязательств.

² ЦБ РФ предписывает соблюдать три норматива ликвидности: мгновенной, текущей и долгосрочной (согласно Инструкции 199-И).

³ Показатель долговой нагрузки (ПДН) — отношение общей суммы платежей по всем кредитам заемщика к его доходам.

Несколько иначе сложилась ситуация с привлеченными средствами организаций: совокупный объем депозитов и средств на счетах корпоративных клиентов за 2019 г. увеличился на 4,6% (в 2018 г. прирост показателя составил 29,3%).

За минувший год банковская прибыль выросла на 51,5% (за предыдущий год — на 70,3%) и составила 2,0 трлн. руб. На динамику прибыли оказывали влияние ряд технических и разовых факторов. К ним, в частности, относился доход в размере 0,4 трлн. руб. от отражения части корректировок, связанных с внедрением нового стандарта учета кредитного риска.

Решения ЦБ РФ способствовали повышению прибыльности российских банков даже в условиях давления, которое оказывает на рентабельность сектора снижение процентной маржи. В конце 2019 г. рентабельность активов ROA составила 2,1%, а рентабельность капитала ROE — 20,3% (по итогам 2018 г. данные показатели равнялись 1,4 и 12,4% соответственно). Вероятно, в ближайшее время в практику банковских аналитиков будет включен расчет рентабельности, очищенный от корректировок резервов по МСФО 9. На конец 2019 г. этот показатель продемонстрировал стабильный уровень банковской рентабельности (13,8 и 13,1% соответственно на 1 января 2019 и 2020 гг.).

Сокращение банковской маржи вынуждает банки наращивать комиссионные доходы⁴:

в 2019 г. по кредитам негосударственным коммерческим организациям они выросли на 72,1%, а по кредитам гражданам — на 227,3%.

ЦБ РФ внедряет новый подход к оценке кредитного риска (с 2020 г. действует Инструкция Банка России № 199-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией»), что позволит высвободить капитал банков и обеспечить дополнительные возможности для кредитования реального сектора экономики. Новый подход ЦБ РФ предусматривает расчет обязательных нормативов по классам контрагентов. В Инструкции № 199-И выделяется категория заемщиков «инвестиционный класс» с пониженным коэффициентом риска в 65% (в настоящее время — 100%) при отнесении его к I или II категориям качества в целях формирования резервов и допуска ценных бумаг заемщика к торгам на организованном рынке. Это решение должно способствовать повышению привлекательности сектора корпоративного кредитования для банков.

С учетом того факта, что Центральный банк продолжит принимать меры по снижению закредитованности населения, можно ожидать замедления роста потребительского кредитования, что, в свою очередь, приведет к стабилизации финансового результата банковского сектора и к незначительному снижению его рентабельности. ■

Financial Performance of the Banking Sector in 2019

Sergey A. Zubov — Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia). E-mail: zubov@iep.ru

Return on assets of the Russian banks at 2019-end has significantly increased despite a slide in bank margin and slowdown of lending growth rates. This fact was due to both credit risk mitigation and putting in operation of a new procedure for loan loss accounting. In 2019 as a whole, bank assets' growth rates have decreased.

Key words: Russian banking sector, banking sector profitability, bank profitability, reserve requirements, capital adequacy, bank loans, past-due debt, fee and commission income.

⁴ Комиссионные доходы банка — доходы банка, которые он получает за совершение операций своими клиентами, таких как плата за банковский перевод, комиссия при осуществлении платежей и т.д.

РЕСУРСЫ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В 2019 г.

С. А. ЗУБОВ

Формирование ресурсов банковского сектора в 2019 г. оставалось достаточно сбалансированным. При сохранении доверия экономических субъектов к банковскому сектору кредитные организации продолжали наращивать ресурсную базу, применяя традиционные инструменты — привлечение средств во вклады от физических и юридических лиц. Однако темпы их прироста несколько снизились по сравнению с предыдущим годом.

Динамика процентных ставок по вкладам физических лиц, где с середины года утвердилась понижающая тенденция, была во многом обусловлена уровнем инфляции и принятыми решениями по денежно-кредитной политике. Укрепление рубля и стабилизация его курса по отношению к основным мировым валютам способствовали продолжению сокращения доли валютных статей пассивов баланса кредитных организаций, что, в свою очередь, снизило уязвимость финансовой системы страны по отношению к внешним шокам.

Ключевые слова: российский банковский сектор, ресурсы банковского сектора, вклады населения, процентные ставки по вкладам физических лиц, депозиты корпоративных клиентов, долговые обязательства банков.

Наиболее значимыми компонентами ресурсов банковского сектора по-прежнему являются вклады физических лиц (31,6% всех банковских пассивов), депозиты юридических лиц, за исключением кредитных организаций (19,1%), средства организаций на расчетных счетах (11,4%), привлеченные кредиты банков, в том числе Банка России (11,0%).

Вклады физических лиц на рублевых и валютных счетах банков к концу 2019 г. достигли 30,5 трлн. руб., их прирост за истекший год составил 2,1 трлн. руб., или 7,3% к предыдущему году (в 2018 г. увеличение объема средств населения в банках равнялось 8,9%). Замедление темпов прироста вкладов граждан в течение последних двух лет связано с переходом от сберегательной к потребительской и инвестиционной моделям поведения населения. Темпы роста потребления в условиях стагнации реальных доходов обеспечивались активизацией роста кредитной задолженности перед банками. В то же время наблюдалось некоторое оживление интереса населения к инвестициям в недвижимость и операциям на фондовом рынке.

Прирост банковских вкладов был обеспечен в первую очередь приращением рублевых вкладов, составившим 9,9% (в 2018 г. — 7,6%).

Объем средств на валютных счетах в рублевом эквиваленте за истекший год снизился на 2,2% (за предшествующий год они увеличились на 13,7%). Однако с учетом динамики курса доллара (девальвации рубля в 2018 г. и его укрепления в 2019 г.) в минувшем году зафиксирован прирост долларового эквивалента вкладов в иностранной валюте — 9,8%, в то время как за 2018 г. аналогичный показатель снизился на 5,7%.

Уровень долларизации¹ вкладов населения остается умеренным: за год доля средств на валютных счетах физических лиц в рублевом эквиваленте в общем объеме вкладов снизилась с 21,5 до 19,6%, что обусловлено в первую очередь укреплением рубля. (См. рис. 1.)

Другой важнейший компонент ресурсной базы российских банков — депозиты корпоративных клиентов — увеличился за 2019 г. на 0,14 трлн. руб., или на 4,6%, достигнув 18,5 трлн. руб. По сравнению с предыдущим годом темпы прироста таких депозитов существенно

Зубов Сергей Александрович, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук, доцент (Москва), e-mail: zubov@ier.ru

¹ Учитываются все вклады в иностранных валютах.

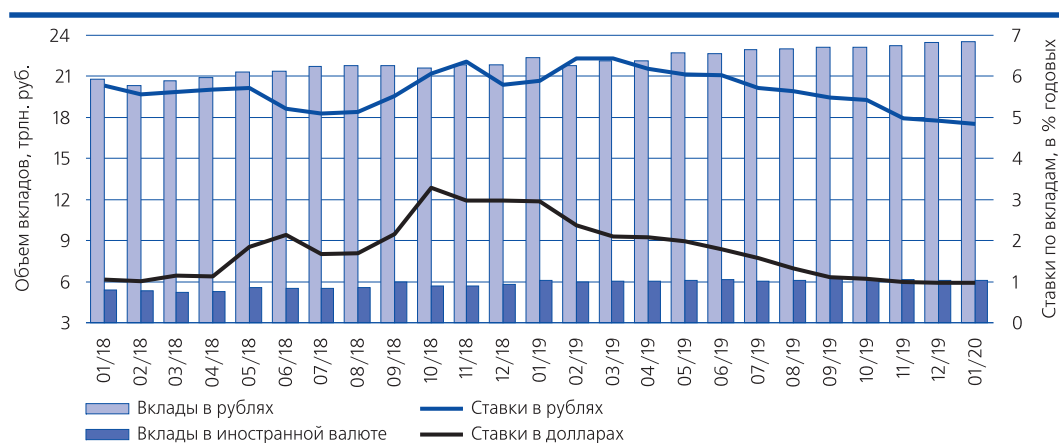
снизились (в 2018 г. прирост составил здесь 29,3%). Данное обстоятельство в первую очередь объясняется сокращением валютных депозитов. Однако с учетом динамики курса доллара снижение долларового эквивалента валютных депозитов в истекшем году замедлилось – до 1,2% против 5,8% в 2018 г.

Уровень процентных ставок по рублевым депозитам юридических лиц снизился на 15,8% (в 2018 г. был зафиксирован их прирост

на 7,1%); сокращение ставок по долларovým депозитам было еще более существенным – 64,7%, тогда как в 2018 г. они увеличились на 102,1%. В конце года многие банки прекратили прием средств в евро на депозитные счета юридических лиц в связи с тем, что ставки по депозитам в странах еврозоны ушли в отрицательную область.

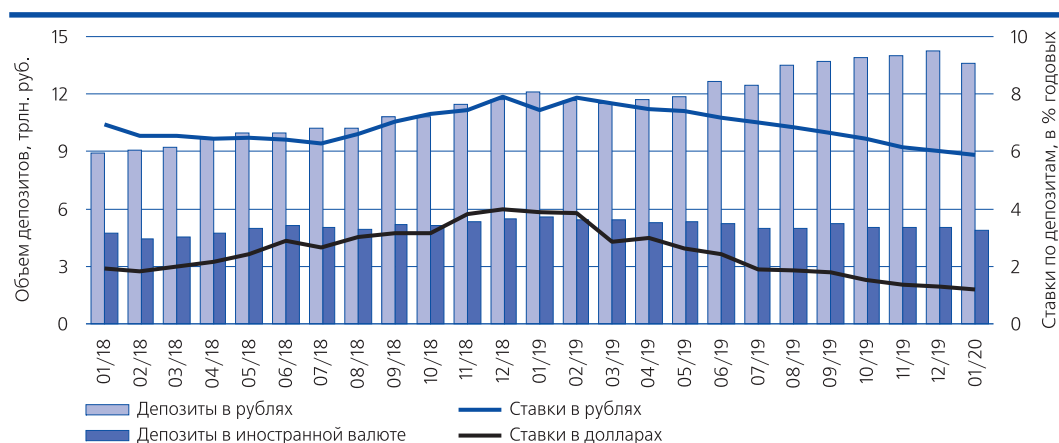
Трансакционные беспроцентные счета² в минувшем году демонстрировали стабильный

Рис. 1. Объемы привлечения средств во вклады физических лиц и ставки по вкладам в РФ

Источник: Банк России.

Рис. 2. Объемы привлечения средств на депозиты юридических лиц и ставки по депозитам в РФ

Источник: Банк России.

² Средства юридических и физических лиц на расчетных, текущих счетах, средства в расчетах, средства клиентов по факторинговым и форфейтинговым операциям.

рост: общий объем счетов данного типа за 2019 г. увеличился на 5,7% (за 2018 г. – на 7,9%), достигнув уровня 11 трлн. руб.

Долговые обязательства банков остаются не слишком привлекательными финансовыми инструментами для клиентов: по сравнению с процентными депозитами объемы их эмиссии незначительны. Общий объем эмитированных банками облигаций на конец 2019 г. составил 1,9 трлн. руб. (на конец 2018 г. – 1,3 трлн. руб.), прирост за год данного показателя равнялся 41,1% (за предыдущий год – 9,7%). Объем выпущенных векселей составил 0,38 трлн. руб., сократившись за год на 12,8% (в 2018 г. – прирост на 2,5%). Общий объем эмитированных депозитных и сберегательных сертификатов сократился на 75,8% (в 2018 г. – снижение на 61,0%) и остается на невысоком уровне – 0,04 трлн. руб.

Спад заимствований на межбанковском рынке свидетельствует о снижении зависимости банковской системы от наиболее волатильных источников фондирования: за год объем полученных ею кредитов и депозитов от банков-резидентов уменьшился на 8,3% (в 2018 г. – на 3,3%). Вместе с тем продолжилось со-

кращение объема привлечения средств от банков-нерезидентов: за год они в рублевом эквиваленте уменьшились на 32,3% (в 2018 г. выросли на 20,7%).

Что касается заимствований в ЦБ РФ, то за истекший год зафиксировано снижение этого показателя на 6,0%, тогда как в 2018 г. наблюдался его значительный прирост – на 29,3%. Учитывая краткосрочный характер заимствований, можно сделать вывод об улучшении состояния банковской ликвидности.

Уровень концентрации банковских ресурсов остается высоким: на долю пяти крупнейших по величине активов кредитных организаций приходится 65,5% вкладов физических лиц (в 2018 г. данный показатель находился на отметке 65,1%) и 59,2% депозитов юридических лиц (61,2%). Несколько снизилась доля средств, привлеченных банками за счет кредитов ЦБ РФ, – 24,7% (в 2018 г. – 32,9%).

В 2020 г. ожидается сохранение тенденций последних двух лет: невысокая инфляция и стабилизация процентных ставок делают рублевые вклады и депозиты привлекательнее валютных, что позволит обеспечить стабильный и умеренный рост банковских пассивов. ■

Banking Sector Resources in 2019

Sergey A. Zubov – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia). E-mail: zubov@iep.ru

The provision of assets by the banking sector in 2019 remained rather squared. Given the fact that economic subjects kept confidence in the banking sector, the lending institutions went on a resource base binge by using traditional tools – taking household and corporate funds on deposits. However, growth rates declined somewhat compared to the previous year.

Dynamics of the interest rates on retail deposits were mainly due to the inflation rate and the decisions on the monetary policy: after mid-year, a downward trend set up. Ruble appreciation and strengthening have contributed to the shrinkage of the currency liability entries in accounts which in its turn decreased exposure of the financial system against external shocks.

Key words: Russian banking sector, banking sector resources, deposits of the population, interest rates on deposits of individuals, deposits of corporate clients, debt obligations of banks.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ФИНАНСОВОГО РАЗВИТИЯ¹

Ю. А. ДАНИЛОВ
Д. А. ПИВОВАРОВ
И. С. ДАВЫДОВ

В статье рассматриваются вопросы влияния факторов (детерминантов) финансового развития на уровень финансового развития. Мы сгруппировали различные детерминанты финансового развития, использовавшиеся в предыдущих исследованиях, в группы, после чего в рамках каждой группы были выявлены детерминанты, обладающие наиболее значимым влиянием на уровень финансового развития. Применительно к России мы выделяем отставание характеристик качества инвестиционного и финансового регулирования, что, на наш взгляд, является причиной отставания России после 2009 г. в финансовом развитии в целом.

Ключевые слова: финансовое развитие, детерминанты финансового развития, финансовый сектор, уровень защиты инвесторов, социокультурные факторы, Индекс финансового развития, финансовое регулирование, классификация детерминантов.

Финансовое развитие и его показатели

Понятие «финансовое развитие» исключительно активно используется в научных исследованиях и в концептуальных докладах в последние 20–25 лет. Консенсусный вариант определения данного понятия был сформулирован Всемирным банком: «Концептуально, финансовое развитие – это процесс снижения затрат на получение информации, обеспечение выполнения контрактов и совершение транзакций. Эмпирически измерение финансового развития напрямую является сложной задачей. Применяемый в настоящее время подход предполагает использование для такого измерения комплекса из четырех характеристик (глубина, доступность, эффективность и стабильность), применяемых в отношении финансовых учреждений и в отношении финансовых рынков ("структура 4x2")» [16, р. XVII].

В течение почти ста лет, вплоть до начала переосмысления результатов кризиса 2007–2009 гг., под финансовым развитием понималось в основном увеличение емкости финансового сектора, т.е. рост финансовой глубины. Кризис же показал, что существует избыточное увеличение финансовой глубины, т.е. такое увеличение емкости финансового сектора, при котором он начинает отрицательно влиять на темпы экономического роста, что было зафиксировано в работе [4], в которой впервые был сформулирован эффект избыточности финансов. Естественно, что отрицательное влияние на экономику не позволяет далее считать рост емкости финансового сектора его развитием.

Были предприняты поиски новых ресурсов позитивного влияния финансового сектора на социально-экономическую систему, т.е. новых аспектов финансового развития. В работах [8] и [9] финансовое развитие отождествлялось

Данилов Юрий Алексеевич, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: danilov-ya@ranepa.ru; *Пивоваров Данил Александрович*, научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: pivodanil@gmail.com, *Давыдов Игорь Сергеевич*, младший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: igordav00@gmail.com

¹ Статья подготовлена по основе научно-исследовательской работы «Исследование детерминант финансового развития в Российской Федерации», выполненной в РАНХиГС при Президенте Российской Федерации в рамках государственного задания. Авторы выражают признательность М.Ю. Турунцевой (РАНХиГС), замечания которой позволили избежать некоторых ошибок при построении регрессионных уравнений, а также участникам организованного в РАНХиГС научного семинара, посвященного обсуждению результатов научно-исследовательской работы, на основе которой написана статья, особенно О.Г. Солнцеву (ЦМАКП) и М.Е. Сухову (НИУ ВШЭ), предложения которых позволили расширить содержательную трактовку полученных результатов.

уже не только с увеличением глубины, но и с ростом финансовой доступности, повышением эффективности финансового сектора и обеспечением его стабильности. Применяя данные оценки к финансовым институтам и к финансовым рынкам, исследователи для оценок финансового развития перешли к матрице характеристик размером 4x2, которая легла в основу Глобальной базы данных финансового развития (*Global Financial Development Database – GFDD*) Всемирного банка².

Аналогичный подход реализован в работе [14], отличающийся от первого подхода отсутствием отдельной группы показателей финансовой стабильности, что привело к формированию матрицы показателей финансового развития размером 3x2. Данная матрица была использована МВФ при расчете Индекса финансового развития (*Financial Development Index – FDI*), позиционируемого как интегральный показатель финансового развития [15].

Таким образом, комплекс показателей, оценивающих финансовое развитие с различных точек зрения, в настоящее время сформирован и продолжает совершенствоваться. Комплекс показателей, характеризующих факторы (детерминанты) финансового развития, напротив, пока еще только начинает разрабатываться.

Представления о детерминантах финансового развития: последовательность смены парадигм

Начальным этапом современной дискуссии о детерминантах финансового развития стали исследования группы американских ученых непосредственно после кризиса 1997–1998 гг. На основе этих исследований был сделан вывод о том, что чем выше уровень защиты прав инвесторов, с тем большей готовностью они финансируют корпорации данной страны [12, pp. 3, 17]. Исследователи исходили

ли из предположения, что главным фактором, предопределяющим развитие финансовых рынков, является качество правовой системы. Поэтому данная группа работ впоследствии была охарактеризована как концепция «Право и финансы».

Концепция «Право и финансы» подверглась активной и, в значительной мере, обоснованной критике. Рагхурам Раджан и Луиджи Зингалес указали, что система права является слишком постоянным (неизменным во времени) фактором, чтобы объяснить изменения в финансовом развитии, которые, как показала история, происходят в течение значительно более коротких промежутков времени. Приводя пример уровня развития различных стран в 1913 г., они опровергают тезис приверженцев концепции «Право и финансы» о том, что страны с общим правом характеризуются более высоким уровнем финансового развития [13, p. 7].

Отвергая фактор права как «главный» детерминант финансового развития, Раджан и Зингалес предложили в этом качестве другой фактор – политическую систему, которая либо препятствует развитию финансовых рынков, либо стимулирует их развитие, в том числе опережающее по отношению к реальному сектору. Сформулировав концепцию «Политическая система и финансы» вместо концепции «Право и финансы», Раджан и Зингалес фактически предложили более фундаментальный фактор, предопределяющий, в том числе, эффективность применения существующей в той или иной стране системы права.

Целью обеих описанных выше концепций было нахождение «главного» фактора финансового развития. Но в дальнейшем были сделаны попытки предложить на роль такого детерминанта и другие факторы (в том числе социально-культурные особенности стран), но они не получили признания. Впоследствии

² Часть из 111 показателей GFDD характеризует конкуренцию на финансовых рынках между финансовыми институтами без вхождения в матрицу «4x2» [2]. Как представляется, это обстоятельство позволило сформулировать предположение о наличии еще одной размерности финансового развития – конкуренции [10], что фактически означает превращение матрицы показателей финансового развития в матрицу «5x2».

вместо поиска «главного» фактора финансового развития начался принципиально иной этап дискуссии, в рамках которого пришло понимание мультифакторности финансового развития. При этом изначально в рамках «мультифакторного подхода» набор таких факторов включал, как правило, два фактора, предлагавшихся ранее в качестве «главных» детерминантов финансового развития, – политическую структуру и право (см., например, [5]). Но в последующих работах было предложено большое количество самых разных показателей в качестве таких влияющих обстоятельств.

Фактически произошла смена парадигмы, предполагающей наличие «главного» детерминанта финансового развития, новой парадигмой, в рамках которой шел поиск многочисленных факторов, в совокупности предопределяющих финансовое развитие. Именно такой подход преобладает в настоящее время, поэтому мы следовали ему при построении системы соответствующих детерминантов. Естественной составной частью нового подхода стали попытки группировки факторов финансового развития.

Классификация детерминантов финансового развития

На основе анализа дискуссии о детерминантах финансового развития в мировой литературе, включая анализ показателей, предлагаемых в качестве таких детерминантов, и приводимых в различных работах результатов регрессионных моделей влияния предлагаемых детерминантов на показатели финансового развития, мы сформировали следующие группы детерминантов:

1. Группа факторов, описывающих уровень защиты прав инвесторов и степень экономических свобод.
2. Группа социокультурных факторов.
3. Группа демографических факторов и показателей развития человеческого капитала.
4. Группа показателей открытости.
5. Группа макроэкономических и структурных факторов, включая структурные показате-

ли, предопределяемые природно-географическими факторами.

6. Группа факторов, описывающих размер государства и его присутствие на финансовом рынке.

7. Качество инвестиционного и финансового регулирования.

Кроме перечисленных групп детерминантов в эмпирических работах также использовались показатели, отражающие тип правовой системы (англосаксонская, германская, французская, скандинавская, или «социалистическая») и уровень развитости национальной экономики (ВВП на душу населения).

Строго говоря, если опираться только на результаты проанализированных работ, групп факторов, признаваемых детерминантами финансового развития, следовало бы выделить гораздо больше. Но мы объединяли несколько близких групп факторов в одну, более крупную, с тем чтобы сформировать группы, удобные для применения статистических методов.

В каждую группу детерминантов финансового развития мы включили несколько показателей (от 3 до 9), которые либо ранее использовались в данном качестве в эмпирических работах, либо впервые предлагаются нами в качестве характеристик факторов, предопределяющих финансовое развитие. В дальнейшем, в ходе регрессионного анализа, нам, во-первых, пришлось удалить часть показателей (по причинам недостаточности данных либо наличия корреляции с другими зависимыми переменными) и, во-вторых, среди оставшихся удалось вычленить ограниченное число показателей, являющихся наиболее значимыми с точки зрения влияния на финансовое развитие.

Методические замечания относительно использования регрессионного анализа для выявления наиболее значимых детерминантов в группах

Анализ влияния детерминантов финансового развития на его уровень проводился нами на

основе панельных данных, позволяющих формировать регрессионные зависимости в рамках межстранового анализа данных. Вместе с тем в ряде групп, в случае необходимости, в дополнение к регрессионному анализу на панели данных за ряд лет проводился также регрессионный анализ по данным отдельных лет.

Такой анализ проводился в рамках групп, выделенных в ходе классификации детерминантов финансового развития. На этом этапе нашей целью было выявить те детерминанты, которые в рамках своих групп оказывают наибольшее влияние на параметры финансового развития. Подобный акцент представляется важным, так как предопределяет методику проведения регрессионного анализа.

Такая постановка задачи, на наш взгляд, имеет свою отдельную ценность. В течение многих лет научная дискуссия в области детерминантов финансового развития касалась в основном вопроса о наиболее значимых факторах финансового развития в целом, под которыми, по сути дела, понимались группы факторов — социокультурные, макроэкономические, факторы открытости, защиты инвесторов и т.д. При этом каждый отдельный исследователь использовал тот или иной показатель, характеризующий группу факторов в целом, не затрагивая вопроса о том, является ли данный показатель наиболее адекватным для характеристики влияния данной группы факторов. С течением времени разные исследователи брали различные показатели в качестве объясняющих переменных в регрессионных уравнениях, устанавливающих влияние на финансовое развитие различных факторов (детерминантов).

Мы поставили своей целью уточнить, какой из показателей в каждой группе детерминантов оказывает наиболее значимое влияние на финансовое развитие. При такой постановке задачи очевидно, что в регрессионных уравнениях, построенных с использованием объясняющих показателей, относящихся к каждой отдельной группе факторов (при том, что та-

ких групп, исходя из представленной нами классификации, оказалось достаточно много), уровень объясняемости будет невысоким. Именно поэтому в большинстве случаев мы не стремились повысить степень объясняемости за счет включения в регрессионное уравнение контрольных переменных, концентрируясь на задаче выявления наиболее значимых (с точки зрения влияния на финансовое развитие) факторов в рамках каждой отдельной группы.

В отличие от предыдущих работ, оценивавших значимость детерминантов финансового развития, мы выбрали в качестве объясняемой переменной принципиально иной показатель, оценивающий финансовое развитие. Предыдущие исследования уровня последнего чаще всего исходили из использования в качестве показателя финансового развития одного из показателей финансовой глубины, но из полученных в 2012–2015 гг. научных результатов следовало, что «финансовое развитие рассматривается как сложный многофакторный процесс, для оценки которого необходимо применение комплекса показателей» [2, с. 37]. Специалистами МВФ был предложен интегральный показатель финансового развития — Индекс финансового развития (*Financial Development Index — FDI*), который рассчитывается с использованием 20 составляющих, характеризующих все важнейшие аспекты финансового развития (глубина, доступность, эффективность) [15, р. 8].

Именно его мы использовали в качестве интегрального показателя финансового развития. При этом необходимо отметить, что мы не нашли работ, в которых этот показатель уже использовался в рамках регрессионного анализа влияния детерминантов финансового развития на его индикаторы.

Поэтому особенно важно оговорить те ограничения, которые привносит использование синтетического интегрального индекса в качестве эндогенной переменной. Во-первых, интегральный индекс, рассчитываемый на основе взвешивания нескольких частных пока-

зателей, число которых может быть весьма значительным, может иметь взаимную корреляцию с тем или иным экзогенным показателем вследствие его использования в качестве частного индикатора, на основе которого рассчитывается интегральный показатель. Во-вторых, интегральный индекс, как правило, имеет заранее определенные пределы изменения (в случае *FDI* — от 0 до 1), а в рамках разработки регрессионных моделей, теоретически, может оказаться, что ожидаемая величина того или иного показателя находится за пределами данного диапазона.

В наших условиях указанные ограничения не влияют на качество регрессий. Ни один из показателей, входящих в базу расчета Индекса финансового развития, не использовался прямо в качестве экзогенных переменных при построении регрессионных моделей. Ситуация попадания ожидаемой величины зависимой переменной вне заранее определенного диапазона ее изменения возможна при формировании либо прогнозных моделей, либо моделей, в которых на основе коэффициентов регрессии, полученных на большой панели данных, предсказывается (оценивается) теоретическое значение зависимой переменной для той или иной частной выборки (выборки меньшего размера). В рамках наших исследований мы не проводили построения прогнозных моделей.

Полученные регрессионные модели подвергались проверкам качества: оценивались данные и методика их подготовки для использования в модели; анализировались параметры выборки (в первую очередь смещенность выборки, кроме того, контролировалась парная корреляция между регрессорами).

Регрессионный анализ, как правило, проводился в разрезе четырех выборок: все страны, страны с высоким уровнем дохода, страны со средним уровнем дохода и страны с низким уровнем дохода. В ряде случаев по последней выборке не хватало данных, однако с точки зрения значения результатов межстранового анализа для российских условий

мы обращали внимание в первую очередь на результаты регрессий по выборке стран со средним уровнем дохода и по выборке всех стран.

Содержательные результаты регрессионного анализа

Проведенный регрессионный анализ позволил выделить показатели, характеризующие детерминанты финансового развития, которые продемонстрировали наиболее значимое влияние на Индекс финансового развития. (Эти показатели приведены в табл. 1, с указанием уровня значимости их влияния для всей выборки стран и для группы стран со средним доходом, в которую входит и Россия.)

Далее мы выделим наиболее важные результаты регрессионного исследования и отметим некоторые детали, заслуживающие внимания.

В рамках группы факторов защиты инвесторов среди регрессоров показатель раскрытия информации оказался значимым на двух выборках (на 5%-ном уровне — для общей выборки и на 1%-ном — для стран с высокими доходами) с положительной связью.

В выборке стран с низкими доходами наиболее значимым (на 1%-ном уровне значимости с положительной связью) оказался индекс восприятия коррупции. Как представляется, это логичный результат: для бедных стран восприятие коррупции является крайне важным, особенно в тех случаях, когда речь идет о финансовых контрактах. В этих странах отсутствие коррупции для принятия решения об инвестировании, видимо, важнее, чем прозрачность корпораций. Расчет более или менее точной оценки потенциального дохода на вложенный капитал (требующей надлежащего уровня прозрачности корпораций) неактуален здесь до тех пор, пока нет уверенности в том, что корпоративный доход будет распределяться среди акционеров, а не пойдет на иные цели. Лишь после продолжительного периода экономического развития (и, вероятно, после значительного сокращения случаев коррупции) на

Таблица 1
Наиболее значимые детерминанты финансового развития по результатам межстранового анализа

Группа факторов	Фактор (показатель), оказывающий значимое влияние на Индекс финансового развития (FDI), – наименование и описание	Характер влияния на FDI	Тип выборки	Доверительный интервал, в %	
				ALL	MIC
Защита прав инвесторов	Уровень раскрытия информации	Положительный	Panel	5	Незначимое влияние
	Индекс прав собственности (<i>Heritage Foundation</i>)	Положительный	Pool	1	Незначимое влияние
	Переменная Хофстеде « <i>Individualism</i> » («Индивидуализм»)*	Положительный	Pool	10	Незначимое влияние
	Переменная Хофстеде « <i>Indulgence</i> » («Допустимость»)**	Положительный	Pool	10	Незначимое влияние
Социологические переменные	Переменная Хофстеде « <i>Long-Term Orientation</i> » («Долгосрочная ориентация»)**	Положительный	Pool	5	Незначимое влияние
	Уровень образования (Индекс Всемирного банка с лагами -3 и -1)	Положительный	Panel	5	5
Капитал	Индекс человеческого развития	Положительный	Panel	1	1
	КАОРЕН (отражает открытость капитального счета)	Положительный	Panel	10	5
Параметры открытости	Инвестиционная открытость страны****	Положительный	Panel	1	Незначимое влияние
	Торговая открытость экономики*****	Положительный	Panel	1	5
Макроэкономические и структурные параметры	Процентная ставка по депозитам (номинальные проценты)	Положительный	Panel	5	5
	Среднегодовой темп роста ВВП на душу населения	Положительный	Panel	1	Незначимое влияние
Размер и присутствие государства	Соотношение госдолга и ВВП	Отрицательный	Panel	1	1
	Соотношение всех налогов и ВВП	Положительный	Panel	5	Незначимое влияние
Качество инвестиционно-финансового регулирования	Сила защиты инвесторов (<i>Strength of investor protection</i>)	Положительный	Pool	5	5
	Защита интересов миноритарных акционеров	Отрицательный	Panel	10	5
	Защита интересов миноритарных акционеров	Положительный	Panel	Незначимое влияние	5
	Качество регулирования фондовых бирж	Положительный	Pool	1	1

Примечания:

1. Значимость детерминантов оценивается по величине доверительного интервала, при котором тот или иной детерминант является значимым с точки зрения влияния на Индекс финансового развития.
2. Тип выборки влияет на количество наблюдений. Panel – выборка с панельными данными в разрезе по годам и странам (большая выборка), Pool – выборка с пулом данных в разрезе по странам в один момент времени (малая выборка).
3. ALL – выборка из всех стран; MIC – выборка стран со средним уровнем дохода.

* – Протиполоставляет готовность действовать в одиночку, защищая свои интересы, коллективизму. Подробнее описание переменных Хофстеде см. в [11].

** – Высокий показатель означает допустимость относительно свободного удовлетворения человеческих желаний, получения удовольствий; низкий указывает на нормы общества, предполагающие контроль удовлетворения потребностей и его нормативное регулирование.

*** – Показывает, насколько люди в связи с принятием решений ориентируются на долгосрочные цели (высокое значение – ориентация на стратегические цели, низкое – на текущие цели и задачи).

**** – Показатель: сумма входящих и исходящих прямых иностранных инвестиций, в % ВВП.

***** – Показатель: сумма внешнеторговых операций (импорт + экспорт), в % ВВП.

Источник: составлено авторами.

первый план для инвесторов постепенно выходит прозрачность корпораций, позволяющая рассчитать их потенциальный доход, который будет получен по инвестициям.

На выборке всех стран также значимым (на 1%-ном уровне) оказался индекс прав собственности, положительно влияющий на финансовое развитие.

Анализ влияния социокультурных факторов на финансовое развитие показал интересные результаты, которые представляются весьма логичными: переменные «Индивидуализм» и «Допустимость» оказались значимыми на 10%-ном уровне, а переменная «Долгосрочная ориентация» — на 5%-ном. Все три переменные оказывают положительное влияние на уровень финансового развития.

При попытке построения регрессионной зависимости *FDI* от переменных религии и доверия к банкам оказалось, что корректное регрессионное уравнение с участием данных независимых переменных невозможно — таким образом, наше исследование подтверждает результаты, сформулированные в работе [6]: нет оснований говорить о влиянии господствующей в стране религии на ее финансовое развитие.

Анализ влияния демографических факторов и показателей развития человеческого капитала на финансовое развитие выявил, что значимыми переменными здесь оказались уровень образования (с трехлетним лагом) и индекс человеческого развития (с положительным влиянием на финансовое развитие) — как для всей выборки, так и для выборки стран со средними доходами.

Среди показателей открытости индекс открытости счета движения капитала значим для всех регрессий (1%-ный — для всех стран и стран с высоким уровнем дохода, 5%-ный — для стран со средним уровнем дохода и 10%-ный — для низкодоходных стран), при этом

его влияние положительно для всех выборок, кроме выборки низкодоходных стран. Для стран со средним уровнем дохода положительное влияние на финансовое развитие оказывают валютная открытость и торговая открытость (на 5%-ном уровне значимости). При переходе к группе стран с высоким доходом в спецификации модели, учитывающей историю изменения уровня развития стран, единственным значимым фактором остается свободное движение капитала. Учитывая, что для данной группы стран этот фактор оказывает положительное влияние на 1%-ном уровне значимости, можно утверждать, что для финансового развития этой группы либерализация капитальных операций становится обязательным условием.

В рамках выборки всех стран отмечается также слабое (на 10%-ном уровне значимости) положительное влияние инвестиционной открытости. Но при этом инвестиционная открытость исключительно важна для высокоразвитых стран.

Анализ влияния группы макроэкономических и структурных факторов на Индекс финансового развития позволил сделать следующие выводы:

- влияние регрессоров в целом неустойчиво — характер связи может меняться в зависимости от выбора контрольных переменных;
- параметр, влияние которого остается постоянным в различных спецификациях регрессии, — процентная ставка; при этом она всегда оказывает значимое положительное влияние, если используется по депозитам, и отрицательное — по кредитам;
- инфляция и ее изменчивость, а также волатильность курса национальной валюты не оказывают значимого влияния на финансовое развитие³;
- среди структурных показателей большинство незначимы, за исключением доли ре-

³ Такой результат находится в противоречии с ранее проведенными исследованиями вопроса о влиянии инфляции на финансовое развитие, первым из которых была работа [7]. Однако необходимо отметить, что результаты о значимом отрицательном влиянии инфляции на финансовое развитие были получены в основном в работах середины 1990-х — начала 2000-х годов. Возможно, с тех пор ситуация изменилась.

сурсной ренты в экономике, которая оказывает значимое отрицательное влияние на финансовое развитие для выборки стран с высоким доходом⁴.

Примечательно, что значимость коэффициента при показателе ресурсной ренты возникает (с 1%-ным уровнем значимости) именно в странах с высоким уровнем дохода. Это означает, что при переходе страны от среднего к высокому доходу большая доля ресурсной ренты будет препятствовать финансовому развитию.

Сопоставляя положительное влияние налогов и отрицательное влияние государственного долга на финансовое развитие (в рамках группы факторов размера государства), мы фактически выходим на альтернативу, всегда присутствующую в экономической политике любого государства, — повышать налоги или заимствовать на рынке в случае необходимости увеличения государственных расходов. Как показывают наши исследования, положительное влияние на развитие финансового рынка наблюдается в том случае, когда рост государственных расходов обеспечивается за счет повышения налогов, а не роста государственных заимствований. Возможно, такое решение важнейшей альтернативы бюджетной политики связано с эффектом вытеснения, возникающим при расширении государственных заимствований на финансовом рынке.

В отношении влияния на финансовое развитие качества инвестиционного и финансового регулирования можно сделать следующие выводы:

- на долгосрочном горизонте положительное влияние на финансовое развитие оказывает качественная защита миноритарных инвесторов;
- в краткосрочном периоде наиболее значимый положительный эффект могут дать качественное регулирование деятельности

фондовых бирж и высокий уровень защиты инвесторов.

Проведенное нами исследование в части влияния типа правовой системы на финансовое развитие в целом подтвердило выводы более ранних исследований об отсутствии явного значимого влияния такого рода в современных условиях. Можно предположить, что это является следствием произошедшего за последние 20–30 лет сближения регулятивного режима финансовых рынков в разных странах.

Выводы для России

Вопрос о детерминантах финансового развития в России остается крайне слабо изученным. Вследствие этого деятельность государственных органов, разрабатывающих государственную политику по развитию российского финансового сектора, фактически лишена научных оснований.

Недостаточная длина рядов не позволяет провести полноценное регрессионное исследование влияния детерминантов финансового развития на его уровень в России, и проведенный нами межстрановой анализ отчасти компенсирует данный недостаток. На основе результатов этого анализа мы сравнили российские показатели значимых детерминантов финансового развития (усредненные за период 2009–2018 гг.) со средними значениями по миру в целом и по группе стран со средним уровнем дохода. (См. табл. 2.)

Из таблицы видно, что по большинству значимых детерминантов финансового развития Россия превосходит средние и медианные показатели выборки стран со средним уровнем дохода. Однако по наиболее значимым факторам качества инвестиционного и финансового регулирования она отстает от средних и медианных значений как по выборке всех стран, так и по выборке стран со средним уровнем дохода.

⁴ Как представляется, данный результат соответствует ранее предпринятым исследованиям. Так, в работе [3] был проведен анализ влияния ресурсной зависимости на финансовое развитие на основе выборки из 63 стран без их разбиения на группы в зависимости от уровня дохода на душу населения. Один из ключевых результатов данного анализа состоит в том, что сырьевая специализация экономики оказывает негативное влияние на финансовое развитие страны.

Таблица 2
Распределение значимых детерминантов финансового развития
с точки зрения преимущества или отставания России

Детерминанты	Россия в сравнении с выборкой	
	всех стран	стран со средним уровнем дохода
Уровень раскрытия информации	Преимущество	Преимущество
Индекс прав собственности (<i>Heritage</i>)	Отставание	Отставание
Переменная «Индивидуализм»	Отставание	Преимущество
Переменная «Допустимость»	Отставание	Отставание
Долгосрочная ориентация	Преимущество	Преимущество
Уровень образования	Преимущество	Преимущество
Индекс человеческого развития	Преимущество	Преимущество
Открытость капитального счета	Отставание	Преимущество
Инвестиционная открытость страны	Отставание	Отставание
Торговая открытость экономики	Отставание	Отставание
Процентная ставка по депозитам	Преимущество	Преимущество
Соотношение госдолга и ВВП	Преимущество	Преимущество
Доля налогов в ВВП	Отставание	Отставание
Сила защиты инвесторов	Отставание	Отставание
Защита миноритарных акционеров	Отставание	Отставание
Регулирование фондовых бирж	Отставание	Отставание

Источник: составлено авторами.

Это означает, что фактор финансового регулирования в России, учитывая положительное влияние показателей данной группы на индекс финансового развития, обуславливает ее отставание в уровне финансового развития как от мира в целом, так и от стран со средними доходами. И это отставание заметно после 2009 г. — как по Индексу финансового разви-

тия, так и по показателям доли России на мировом финансовом рынке [1].

Вместе с тем данная группа факторов характеризуется наибольшей изменчивостью, и поэтому за счет повышения качества финансового регулирования в России можно быстрее всего добиться повышения уровня финансового развития. ■

Литература

1. Данилов Ю.А. Оценка места Российской Федерации на глобальном финансовом рынке // Вопросы экономики. 2016. № 11. С. 100–116.
2. Данилов Ю.А. Современное развитие глобальной научной дискуссии в области финансового развития // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 29–47.
3. Столбов М., Солнцев О., Голощапова И. Ресурсная зависимость и финансовое развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 5. С. 52–61.
4. Arcand J.L., Berkes E., Panizza U. Too much finance? // Journal of Economic Growth. 2015. Vol. 20. Issue 2. Pp. 105–148.
5. Beck, T. The Role of Finance in Economic Development: Benefits, Risks, and Politics / The Oxford Handbook of Capitalism (Edited by Dennis C. Mueller). — Oxford: Oxford University Press, 2012.
6. Beck, T., Demircuc-Kunt A., Levine R. Law, Endowments, and Finance // Journal of Financial Economic. 2003. Vol. 70. Issue 2. Pp. 137–181.
7. Boyd, J.H., Levine R., Smith B.D. The Impact of Inflation on Financial Sector Performance // Journal of Monetary Economics. 2001. Vol. 47. No. 2. Pp. 221–248.

8. Cinak M., Demircug-Kunt A., Feyen E., Levine R. Benchmarking Financial Systems around the World // Policy Research Working Paper. The World Bank. 2012. No. 6175.
9. Cinak M., Demircug-Kunt A., Feyen E., Levine R. Financial Development in 205 Economies, 1960 to 2010 // NBER Working Paper. 2013. No. 18946.
10. Corbae D., Levine R. Competition, stability, and efficiency in financial markets. 2018. URL: <https://www.kansascityfed.org/~media/files/publicat/sympos/2018/papersandhandouts/0825180810corbaelevinepaper.pdf?la=en>
11. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011 2(1). URL: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>
12. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W. Investor Protection: Origins, Consequences, Reform // NBER Working Paper. 1999. No. 7428.
13. Rajan R., Zingales L. The great reversals: the politics of financial development in the twentieth century // Journal of Financial Economics. 2003. Vol. 69. Issue 1. Pp. 5–50.
14. Sahay R., Cinak M., N'Diaye P., Barajas A., Bi R., Ayala D., Gao Y., Kyobe A., Nguyen L., Saborowski Ch., Sviryzdenka K., Yousefi S. R. Rethinking financial deepening: Stability and growth in emerging markets. IMF Staff Discussion Note № SDN/15/08. 2015.
15. Sviryzdenka, K. Introducing a New Broad-based Index of Financial Development. IMF Working Paper № WP/16/5. – IMF, 2016.
16. World Bank. Global Financial Development Report 2015/2016: Long-Term Finance. Washington: World Bank, 2015.

References

1. Danilov Yu.A. Assessment of the place of the Russian Federation in the global financial market // Voprosy Ekonomiki. 2016. № 11. Pp. 100–116.
2. Danilov Yu.A. Currient development of global scientific discussion in the field of financial development // Voprosy Ekonomiki. 2019. № 3. Pp. 29–47.
3. Stolbov M., Solntsev O., Goloshchapova I. Resource dependence and financial development // World Economy and International Relations. 2018. Vol. 62, No. 5, Pp. 52–61.
4. Arcand J.L., Berkes E., Panizza U. Too much finance? // Journal of Economic Growth. 2015. Vol. 20. Issue 2. Pp. 105–148.
5. Beck, T. The Role of Finance in Economic Development: Benefits, Risks, and Politics / The Oxford Handbook of Capitalism (Edited by Dennis C. Mueller). – Oxford: Oxford University Press, 2012.
6. Beck, T., Demircug-Kunt A., Levine R. Law, Endowments, and Finance // Journal of Financial Economic. 2003. Vol. 70. Issue 2. Pp. 137–181.
7. Boyd, J.H., Levine R., Smith B.D. The Impact of Inflation on Financial Sector Performance // Journal of Monetary Economics. 2001. Vol. 47. No. 2. Pp. 221–248.
8. Cinak M., Demircug-Kunt A., Feyen E., Levine R. Benchmarking Financial Systems around the World // Policy Research Working Paper. The World Bank. 2012. No. 6175.
9. Cinak M., Demircug-Kunt A., Feyen E., Levine R. Financial Development in 205 Economies, 1960 to 2010 / NBER // Working Paper. 2013. No. 18946..
10. Corbae D., Levine R. Competition, stability, and efficiency in financial markets. 2018. URL: <https://www.kansascityfed.org/~media/files/publicat/sympos/2018/papersandhandouts/0825180810corbaelevinepaper.pdf?la=en>
11. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011 2(1). URL: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>
12. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W. Investor Protection: Origins, Consequences, Reform / NBER // Working Paper. 1999. No. 7428.
13. Rajan R., Zingales L. The great reversals: the politics of financial development in the twentieth century // Journal of Financial Economics. 2003. Vol. 69. Issue 1. Pp. 5–50.
14. Sahay R., Cinak M., N'Diaye P., Barajas A., Bi R., Ayala D., Gao Y., Kyobe A., Nguyen L., Saborowski Ch., Sviryzdenka K., Yousefi S. R. Rethinking financial deepening: Stability and growth in emerging markets. IMF Staff Discussion Note № SDN/15/08. 2015.
15. Sviryzdenka, K. Introducing a New Broad-based Index of Financial Development. IMF Working Paper № WP/16/5. – IMF, 2016.
16. World Bank. Global Financial Development Report 2015/2016: Long-Term Finance. Washington: World Bank, 2015.

Determinants of Financial Development

Yury A. Danilov – Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: danilov-ya@ranepa.ru

Danil A. Pivovarov – Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: pivodanil@gmail.com

Igor S. Davydov – Junior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: igordav00@gmail.com

The article discusses the impact of factors (determinants) of financial development on the level of financial development described by the Financial Development Index. We have grouped the various determinants of financial development used in previous studies into groups. After that, within each group, determinants were identified that have the most significant impact on the level of financial development. In relation to Russia, we highlight the lag in the quality characteristics of investment and financial regulation, which, in our opinion, is the reason for the lag in Russia in the field of financial development in general, observed after 2009.

Key words: financial development, determinants of financial development, financial sector, investor protection level, sociocultural factors, Financial development index, financial regulation, classification of determinants.

Цифровая экономика

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА: ЛОВУШКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е. И. ДОБРОЛЮБОВА

В отличие от «оцифровки» и перевода «аналоговых» административных процедур в формат электронного взаимодействия, цифровая трансформация предполагает содержательные изменения процессов государственного управления, затрагивающие все стадии управленческого цикла, а также функции и полномочия публичной власти.

Смысл подобных изменений – принципиальное повышение качества управления, результативности и эффективности деятельности госорганов, выход на более высокий уровень проработки и обоснованности законотворческих, нормативных и проектных решений. Анализ федерального проекта «Цифровое государственное управление» показывает, что система его целей, показателей и результатов не всегда позволяет оценить, в какой мере могут быть достигнуты вышеуказанные конечные эффекты.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация, федеральный проект «Цифровое государственное управление».

Международные рейтинги цифрового госуправления

Формально Россия пока занимает вполне достойное место в соответствующих глобальных рейтингах. Так, в 2016 г. по показателю внедрения цифровых технологий в государственном управлении РФ, по оценке Всемирного банка, находилась на 18-м месте в мире. Согласно данным Международного союза электросвязи (МСЭ) в 2018 г. она занимала 26-е место в рейтинге глобальной кибербезопасности. В том же году в рейтинге стран по индексу развития электронного правительства ООН страна находилась на 32-й позиции, а в рейтинге Университета WASEDA по цифровому государственному управлению – на 30-й.

Положение в рейтингах может существенно меняться, и такие изменения не всегда происходят в лучшую сторону. Например, еще в 2017 г. Россия входила в первую десятку рейтинга глобальной кибербезопасности, а в 2012 и 2014 гг. даже занимала более высокое, чем сейчас, – 27-е место по индексу развития электронного правительства ООН.

Проблема не в том, что цифровая трансформация госуправления в России «идет вспясть», – она скорее в том, что мы пока не успеваем за темпами цифровой трансформации в других странах. Россия отстает от средних показателей стран ЕС по параметрам электронного взаимодействия при оказании государственных услуг. Так, если в 2018 г. в странах ЕС 64,3% граждан, обращаясь за государственными услугами в государственные органы, делали это через Интернет, то в России направляли соответствующие запросы в электронном виде лишь 22% лиц, обращавшихся за государственными и муниципальными услугами.

Проблемы измерения результатов и учета рисков

Мероприятия по цифровизации государственного управления осуществляются в первую очередь в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление», на реализацию которого до 2024 г. планируется направить 235,7 млрд. руб. только из федерального бюджета. Контрольные органы и

Добролюбова Елена Игоревна, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: dobrolyubova-ei@ranepa.ru

профильные эксперты обращают внимание прежде всего на низкие темпы освоения указанных ассигнований (в целом, по данным Счетной палаты РФ, кассовое исполнение по национальной программе «Цифровая экономика» на 28 декабря 2019 г. составило 53,6% бюджетных назначений¹). Однако, на наш взгляд, главная проблема здесь не в темпах расходования бюджетных средств, а в целеполагании — в тех конечных результатах, достижение которых призвана обеспечить государственная цифровая трансформация.

Проведенный Центром технологий государственного управления ИПЭИ РАНХиГС анализ федерального проекта «Цифровое государственное управление» показывает, что система его целей, показателей и результатов не всегда позволяет оценить конечные эффекты от его реализации с точки зрения всех потенциальных бенефициаров проектных мероприятий: граждан, бизнеса, самого государства, а также государственных и муниципальных служащих. Это может быть связано не только с экономией ресурсов граждан и бизнеса (которые также пока не оценены), но и, вероятно, с новым качеством исполнения государственных функций.

Пока же показателями федерального проекта измеряются не конечные результаты цифровой трансформации (например, повышение качества государственных услуг или качества принятия управленческих решений), а просто сам факт перевода взаимодействия с государством (и государственных органов между собой) в электронный вид, что само по себе не гарантирует ни экономии времени, ни снижения издержек. По этим показателям пока не утверждены методики их расчета².

Не в полной мере учитываются в федеральном проекте и многообразные риски, сопутствующие форсированной цифровизации госсектора. В числе таких рисков — возможность использования в маркетинговых и в крими-

нальных целях вводимых в оборот массивов персональных данных граждан и корпоративной коммерческой информации, рост числа мошенничеств со средствами электронной подписи при корпоративных сделках или сделках с недвижимостью.

Высоки риски того, что цифровизация деятельности госорганов станет бюрократической самоцелью, а не средством прорыва в качестве государственного управления. Это может привести к консервации наболевших проблем в виде дублирования государственных информационных систем и платформ, разрабатываемых под нужды отдельных ведомств, их слабой интеграции, отсутствию актуальных данных для принятия управленческих решений, формальной оценке достижений без глубокого анализа имеющихся данных.

Эффекты и направления совершенствования трансформации

Чтобы избежать превращения цифровой трансформации госуправления в самоцель, необходимо, на наш взгляд, внедрить комплексную систему мониторинга и оценки результативности и эффективности цифровой трансформации государственного управления, позволяющую выявлять и фиксировать конечные эффекты этого масштабного и разветвленного проекта. При оценке конечных эффектов, с точки зрения интересов населения, следует учитывать: изменения в доступности и в качестве государственных услуг, обеспечения защиты законных прав и интересов граждан, повышения их вовлеченности в государственное и муниципальное управление, сокращения затрат времени и средств на взаимодействие с государством.

Для оценки изменений в сфере доступности и качества государственных услуг необходимы социологические исследования, отражающие удовлетворенность граждан доступностью и качеством предоставления приори-

¹ URL: <http://audit.gov.ru/audit-national/9508>

² URL: <https://www.gks.ru/metod/fed-proekt/FP1105.htm>

тетных цифровых государственных услуг и сервисов. Важно также учитывать долю государственных и муниципальных услуг, оказываемых в режиме онлайн, в общем числе оказанных государственных и муниципальных услуг. Сегодня на практике результаты государственных услуг в электронном виде могут предоставляться заявителям спустя недели – вряд ли это можно признать большим достижением цифровизации государственного управления.

Для оценки гражданской вовлеченности в процесс принятия управленческих решений могут быть использованы как показатели, применяемые за рубежом (например, индекс открытости, полезности и повторного использования государственных данных, рассчитываемый ОЭСР), так и данные государственных систем о численности и доле граждан, вовлеченных в выработку, мониторинг, оценку результатов реализации государственной политики, государственных программ и проектов, отдельных мероприятий.

Отдельным компонентом мониторинга и оценки должны стать показатели, отражающие уровень защиты граждан от вышеуказанных рисков, связанных с цифровой трансформацией. К ним относятся, например, рассчитываемые по итогам социологических исследований показатели доли граждан, оценивающих уровень защищенности неприкосновенности личной жизни и персональных данных как достаточный, и доли граждан, сталкивавшихся с несанкционированным использованием персональных данных; показатель выборочного наблюдения Росстата, характеризующий долю граждан, не использующих Интернет из соображений безопасности, а также данные статистики киберпреступлений³.

Ключевыми эффектами цифровой трансформации госуправления для бизнеса должны стать: 1) появление новых возможностей

для развития бизнеса, в том числе с использованием государственных платформ и открытых данных; 2) повышение качества государственных услуг для бизнеса; 3) повышение предсказуемости и прозрачности государственной политики, регулирования, создание более удобных и востребованных форматов взаимодействия с властями и продвижения интересов предпринимателей; 4) институциональное и процедурное упрощение защиты законных прав и интересов организаций – как в части совершенствования процедур досудебного обжалования, так и при защите своих интересов в суде; 5) снижение рисков причинения вреда имуществу, злоупотребления коммерческой информацией (в том числе по сравнению с «аналоговыми» практиками взаимодействия), обеспечение надлежащего уровня защищенности прав и законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в условиях цифровой трансформации.

Цифровая трансформация госуправления, как отмечено выше, должна способствовать измеримому повышению результативности деятельности госорганов за счет улучшения качества принимаемых управленческих решений, а также скорости межведомственного взаимодействия. Росту эффективности управления способствуют и такие эффекты цифровой трансформации, как снижение административных издержек на осуществление государственных функций и оказание госуслуг, рост конкурентности и прозрачности госзакупок. Важными бенефициарами цифровизации могут также стать сами государственные служащие: цифровая трансформация приводит к сокращению доли выполняемых ими рутинных операций, способствует повышению прозрачности и качества систем управления кадрами, оплаты труда на гражданской службе, дает возможность сосредоточиться на

³ С детальными предложениями по системе показателей, отражающих эффекты от цифровой трансформации государственного управления для всех бенефициаров, можно будет ознакомиться в монографии Е.И. Добролюбовой и В.Н. Южакова «Мониторинг и оценка результативности и эффективности цифровизации государственного управления: методические подходы», которая выйдет в издательстве «Дело» РАНХиГС в 2020 г.

проектной деятельности, создает условия для приобретения служащими новых навыков и умений.

Важно внедрить также и инструменты управления по результатам, показавшие свою эффективность при подготовке, реализации и оценке цифровых инициатив в госсекторе. К числу таких успешных зарубежных практик, которые могли бы быть имплементированы в

федеральный проект, относятся обоснование бизнес-кейсов при разработке, утверждении и реализации госорганами цифровых инициатив (с обязательным соотношением затрат и выгод), а также измерение и оценка транзакционных издержек, позволяющие оценивать себестоимость госуслуг (исполнения иных государственных функций) и учитывать влияние цифровизации на этот параметр. ■

Digitalization of the State: Traps and Perspectives

Elena I. Dobrolyubova – Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: dobrolyubova-ei@ranepa.ru

In contrast to the 'digitization' and transfer of 'analog' administrative procedures into the electronic interaction format, digital transformation involves substantial changes in public administration processes that affect all stages of the administrative cycle, as well as the functions and powers of public authorities.

The purpose of these changes is to fundamentally improve management quality and the performance and efficiency of government agencies, and to achieve a higher level of elaboration of and substantiation for legislative, regulatory and project-based decision-making. An analysis of the Federal Project Digital Public Administration demonstrates that its system of goals, indicators and results does not always make it possible to assess the extent to which the final effects mentioned above can be achieved.

Key words: digital economy, digital transformation, federal project «Digital public administration».

Рынок труда

НЕДОИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ: РОСТ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

В. Ю. ЛЯШОК

На протяжении последних четырех лет уровень безработицы в РФ снижается. Однако использование альтернативных критериев измерения недоиспользования трудовых ресурсов показывает несколько иную динамику. В 2019 г. наблюдался рост численности потенциальной рабочей силы, включая тех, кто считает невозможным найти для себя работу.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: рынок труда, уровень безработицы, потенциальная рабочая сила.

На протяжении последних нескольких лет в России снижается уровень безработицы: к концу 2019 г. он составил 4,6%, сократившись за год на 0,2 п.п. При этом здесь существуют значительные региональные различия (от 1,5% в Москве до 26,3% в Ингушетии в четвертом квартале истекшего года), однако в среднем по стране показатель уровня безработицы ниже, чем в большинстве стран Европы. Позитивная динамика наблюдается и в составе безработных: доля ищущих работу более 12 месяцев среди всех безработных снизилась с 28,5% в 2018 г. до 23,8% в 2019 г., а средняя продолжительность поиска работы уменьшилась на 0,5 месяца.

Уровень безработицы, рассчитанный по методологии Международной организации труда, в российской статистике является основным показателем недоиспользования трудовых ресурсов. Его динамика позволяет определять состояние рынка труда и экономики в целом, причем возможность обновлять данные ежемесячно делает его одним из наиболее оперативных индикаторов в экономической статистике. Однако применение единственного критерия безработицы обедняет понимание состоя-

ния рынка труда, так как в ряде случаев границы между занятыми и безработными в определенной степени размыты. В результате возникают отдельные расхождения между данными Росстата и результатами массовых опросов населения, в ходе которых используются другие способы оценки численности безработных или иные выборки респондентов¹.

Не всякий неработающий, но желающий найти работу, согласно методологии МОТ, считается безработным. Таковым признается человек, не имеющий работы, но активно ищущий ее на протяжении последних четырех недель и готовый начать работать в течение обследуемой недели. Изменение критериев — их ужесточение или смягчение — может серьезно сказаться на численности данной группы.

Для более точного расчета недоиспользования трудовых ресурсов с 2015 г. Росстат публикует численность так называемой потенциальной рабочей силы, которая состоит из следующих двух групп:

- готовых работать, но не занимающихся активным поиском работы. Эта группа составляет 95% от всей потенциальной рабочей силы;

Ляшок Виктор Юрьевич, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: victorlyashok@gmail.com

¹ ВЦИОМ определил уровень безработицы вдвое выше официального. URL: <https://www.rbc.ru/economics/18/12/2017/5a36ca439a79475cee64de28>; Сбербанк выявил рост безработицы у среднего класса. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/02/2020/5e43f9cf9a7947c50823cae5>

- ищущих работу, но не готовых приступить к ней на обследуемой неделе. Эта группа немногочисленна — около 5% от всей потенциальной рабочей силы.

Предполагается, что в состав этих групп входят респонденты, желающие трудиться, но в текущих социально-экономических условиях отказывающиеся от активных поисков работы. С одной стороны, это может быть вызвано семейными обстоятельствами, проблемами со здоровьем или другими личными причинами. С другой стороны, такое поведение на рынке труда может быть связано с тем, что индивид, исходя из своего опыта, считает в принципе невозможным найти работу. В результате образуется группа так называемых отчаявшихся безработных, по динамике численности которых можно косвенно судить о барьерах, возникающих при входе на рынок труда.

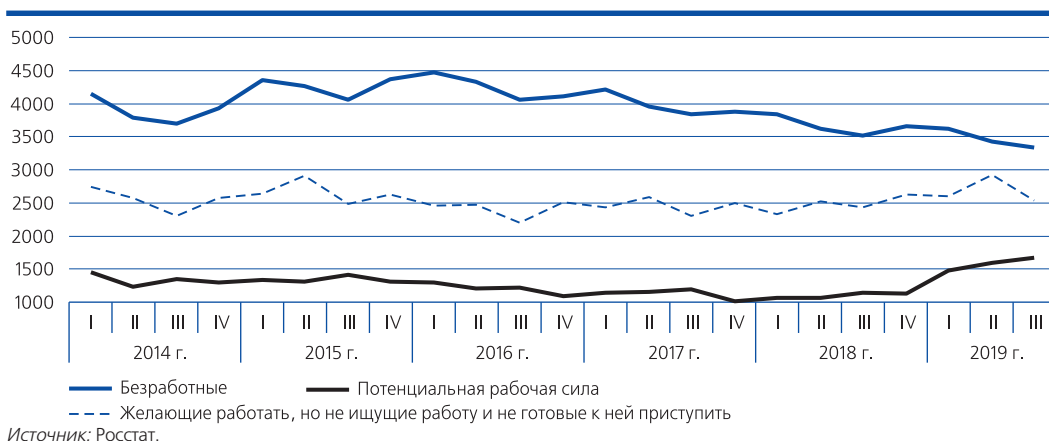
Наконец, Росстат на основании выборочных опросов рабочей силы выделяет еще одну группу — желающих работать, но не ищущих работу и не готовых к ней сразу приступить. В

отличие от потенциальной рабочей силы респонденты из этой группы не готовы работать в ближайшее время. Поэтому такая группа лишь в малой степени может включаться в недоиспользованные трудовые ресурсы, хотя с «обывательской» точки зрения ее представители могут считаться безработными.

На рис. 1 представлена квартальная динамика численности официальных безработных, потенциальной рабочей силы и желающих работать, но не работающих, за период 2014–2019 гг.²

Как видно из рисунка, численность потенциальной рабочей силы постепенно снижалась — с 1,3 млн. человек в 2014 г. до 1,1 млн. человек в 2018 г., однако в 2019 г. данный показатель вырос до 1,5–1,7 млн. человек. Подчеркнем, что Росстат не менял в минувшем году методологию или набор вопросов, относящихся респондентов к данной категории³. В результате, несмотря на снижение безработицы, совокупная численность безработных и потенциальной рабочей силы выросла в 2019 г. на 0,1 млн. человек.

Рис. 1. Показатели недоиспользования трудовых ресурсов в России, тыс. человек

Источник: Росстат.

² Хотя официальная статистика по двум последним группам доступна только с 2015 г., имеющиеся в открытом доступе микро-данные обследования рабочей силы дают возможность рассчитать эти показатели для более раннего периода.

³ Во всяком случае, нами не были найдены материалы Росстата, позволяющие объяснить данный рост за счет изменений в методологии.

Численность желающих работать, но не ищущих работу и не готовых к ней приступить, оставалась в указанный период относительно постоянной, хотя в 2018–2019 гг. здесь наметился небольшой рост. Сумму всех трех групп – безработных, потенциальной рабочей силы, желающих работать, но не ищущих работу и не готовых к ней приступить, – можно считать верхней границей недоиспользования трудовых ресурсов в стране. В целом она примерно в два раза выше, чем численность безработных. В 2019 г. наметился рост данного показателя.

Альтернативные показатели безработицы не ограничиваются теми, которые использует в своей статистике Росстат. В международной статистике используют несколько дополнительных показателей. Наиболее широкий перечень ежемесячно публикуемых категорий такого рода представлен в статистике США, где выделяются шесть категорий безработных:

- U-1 – официальные безработные в соответствии с методологией МОТ, ищущие работу на протяжении 15 и более недель, т.е. находящиеся в застойной безработице;

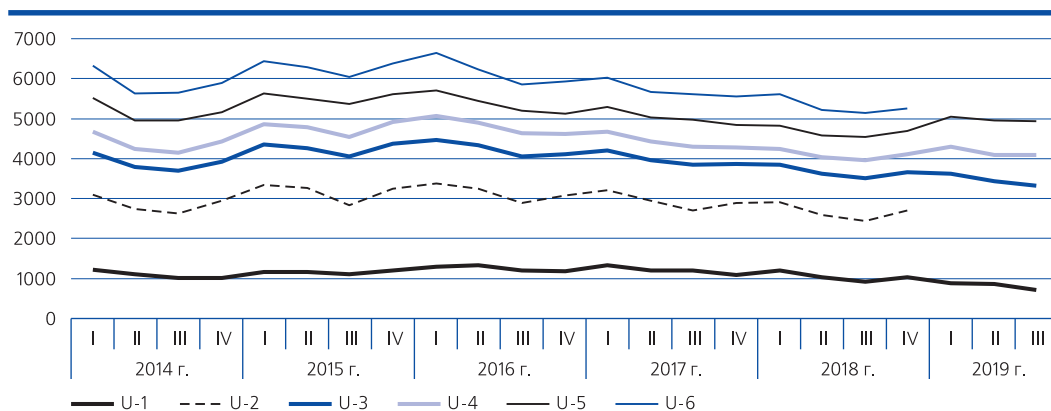
- U-2 – официальные безработные, имеющие опыт работы;
- U-3 – официальные безработные в соответствии с методологией МОТ;
- U-4 – официальные и отчаявшиеся безработные (*discouraged workers*);
- U-5 – официальные безработные, а также неработающие, желающие найти работу, но не предпринимающие активных мер по ее поиску;
- U-6 – те же, что и в группе U-5, а также занятые неполный рабочий день, но желающие работать полный.

Все приведенные категории, за исключением первой, построены по принципу «матрешки», где каждая следующая шире предыдущей.

На рис. 2 представлены альтернативные показатели уровней безработицы, построенные на базе обследования рабочей силы Росстатом на основе методологии, близкой к используемой в США⁴ (показатели U-2 и U-6 возможно построить только по микроданным, доступным по 2018 г. включительно).

Из рисунка видно, что на протяжении большей части исследуемого периода динамика

Рис. 2. Альтернативные показатели численности безработных в России, тыс. человек

Источник: U.S. Bureau of Labor Statistics. Alternative Measures of Labor Underutilization for States. URL: <https://www.bls.gov/lau/stalt.htm>

⁴ Для расчета показателя U-1 в качестве границы, определяющей застойную безработицу, использовался период в 12 месяцев для приведения в соответствие с методологией Росстата.

большинства показателей была параллельной: после роста в 2015 г. в 2016–2018 гг. наметился спад практически по всем индикаторам безработицы. Однако с конца 2018 г. начался рост показателей U-5 и U-6, т.е. возросло число отчаявшихся безработных и потенциальной рабочей силы при сохраняющемся снижении численности официальных безработных. Продолжало сокращаться и число находящихся в застойной безработице. В результате к третьему кварталу 2019 г. численность потенциальной рабочей силы оказалась равна половине официальных безработных по методологии МОТ, что значительно выше, чем в США, где данное соотношение составляет около 25%, и несколько ниже среднего уров-

ня ЕС, где оно составляло в последние годы около 60%.

Таким образом, на российском рынке труда происходят сложные изменения. При уменьшении наиболее активной группы безработных растет численность не столь активных групп потенциальной рабочей силы и в целом желающих работать. Снижение официального уровня безработицы в 2019 г. происходило не только из-за сокращения периода поиска работы у безработных, но и за счет «выталкивания» с рынка труда части граждан, ищущих работу свыше 12 месяцев. В результате некоторые альтернативные показатели указывают на рост уровня безработицы в минувшем году. ■

Underutilization of Labor Resources: Growth of Potential Workforce

Victor Yu. Lyashok – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: victorlyashok@gmail.com

In the course of four recent years the unemployment level in the Russian Federation is on the decline. However, application of alternative criteria for the estimation of underutilized labor resources demonstrate somewhat different dynamics. In 2019, we observed growth of potential workforce number including those who believe it to be impossible for them to find a job.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Key words: labor market, unemployment rate, potential workforce.

Регионы

РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ В ЯНВАРЕ-НОЯБРЕ 2019 г.: ИНЕРЦИЯ СОХРАНЯЕТСЯ

Н. В. ЗУБАРЕВИЧ

Социально-экономическое развитие российских регионов в январе-ноябре 2019 г. было медленным — за исключением восстановления жилищного строительства после кризисного спада быстрее всего это развитие шло в крупнейшей Московской агломерации страны. При слабом росте в истекшем году зарплат в подавляющем большинстве регионов сохранялся низкий уровень безработицы. Бюджетная ситуация была более благополучной, однако рост доходов бюджетов многих регионов в значительной степени обеспечивался увеличением трансфертов. Необходимость исполнения президентских указов отразилась в опережающем росте расходов бюджетов на национальную экономику и благоустройство.

Ключевые слова: регионы РФ, социально-экономическое положение регионов, бюджеты регионов.

Данные за январь-ноябрь 2019 г. по **промышленному производству** регионов в годовом выражении показывают сохранение прежних тенденций — умеренный промышленный рост продолжался¹. Среди лидеров роста (без учета менее развитых регионов с небольшим объемом производства) по-прежнему были Ямало-Ненецкий автономный округ (17%) и Республика Саха (Якутия) (12%) — за счет добычи газа и нефти, Брянская (15%) и Московская (13%) области, Республика Бурятия (23%) и Приморский край (12%) — в основном за счет гособоронзаказа и пищевой отрасли.

Значительный промышленный рост в столичной агломерации обеспечил опережающую динамику в данном отношении всего Центрального федерального округа (более 8%); быстрее росла и промышленность Дальневосточного округа (почти 7%). Из-за спада промышленности в Ставропольском крае, Северной Осетии и, особенно сильно, в Дагестане (-25%) отрицательной была динамика показателя в Северо-Кавказском федеральном округе (-3%). Число регионов с промышленным спадом сократилось до 12; в наиболее индустриально развитых из них (Ярославская, Иркут-

ская области, Ненецкий автономный округ, Хабаровский край) спад был невелик — 1–3%. Близкую к нулевой динамику сохраняет главный регион добычи нефти — Ханты-Мансийский автономный округ, такая же ситуация и в Свердловской области.

Строительство в январе-ноябре 2019 г. к тому же периоду предыдущего года практически не росло (0,4%); среди крупных регионов наиболее сильный спад наблюдался здесь в С.-Петербурге (-22%). Однако ввод жилья быстро восстанавливался (рост на 8%) после значительного падения в 2016–2018 гг. Рост не был всеобщим — в 26 субъектах РФ ввод жилья в январе-ноябре истекшего года сокращался; наиболее значительным оказался спад (-15–30%) в удаленных северных и восточных регионах (республики Коми, Бурятия, Ямало-Ненецкий автономный округ, Камчатский край) и в депрессивных территориях (Ивановская, Кировская области, Алтайский край и др.).

Жилищное строительство отражает продолжающуюся концентрацию населения страны в двух крупнейших агломерациях и устойчивую привлекательность юга. Московская агломерация концентрирует более 18% всего

Зубаревич Наталья Васильевна, главный научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р геогр. наук, профессор (Москва), e-mail: zubarevich-nv@ranepa.ru

¹ См. статью А. С. Каукина и Е. М. Миллер в настоящем номере.

ввода жилья, С.-Петербург с Ленинградской областью — более 6%, следом идет Краснодарский край (почти 6%). Несмотря на быстрый рост жилищного строительства в столице (на 74%), в основном за счет новых территорий, и сокращение ввода жилья в Московской (-3%) и Ленинградской (-12%) областях, внешние зоны двух крупнейших агломераций опережают федеральные города по объему вводимого жилья, особенно Московская область — в 1,7 раза больше Москвы.

Расширение **розничной торговли** остается медленным (1,6% к январю-ноябрю 2018 г.), но происходит почти повсеместно. Только в 9 регионах объем показателя сократился в рамках статистической погрешности (на 1%). Без учета слабо развитых республик с низкой достоверностью статистических данных быстрее всего этот показатель рос в Московской, Ленинградской, Тверской областях, Приморском крае и в Якутии (на 4–5%). Сохранялась сверхконцентрация розничной торговли в крупнейшей агломерации страны вследствие высокой заработной платы и доходов населения: на Москву с Московской областью в исследуемый период пришлось почти 23% оборота розничной торговли, а на агломерацию С.-Петербурга — менее 6%.

Сохраняется отрицательная динамика объемов оказания **платных услуг** (-0,9%); спад данного показателя продолжался более чем в половине регионов РФ, наиболее значительный — в Хабаровском крае, Бурятии, Ингушетии и в г. Севастополе (на 5–10%). Население продолжает экономить на услугах, предпочитая покупать товары, в том числе за счет потребительских кредитов (их объем продолжал быстро расти).

Номинальная заработная плата в январе-октябре выросла к тому же периоду предыдущего года на 7%; с учетом инфляции реальный рост показателя составил около 3%. Региональная динамика различалась слабо. Более заметным ростом номинальной зарплаты (на 11%)

выделялись только г. Севастополь и Республика Крым, получающие существенные трансферты, Сахалинская область, где быстро расширялись доходы бюджета из-за увеличения поступлений налога на прибыль, что позволило повысить зарплаты занятым в бюджетном секторе, а также Костромская область.

Региональные рынки труда стабильны. Уровень безработицы, измеряемый по методологии МОТ, в сентябре-ноябре истекшего года оставался очень низким (4,6%), региональные различия были устойчивыми². Незначительный рост уровня безработицы по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. отмечался в республиках Дагестан и Алтай (с 10–11 до 12–13%), а также в Ярославской и Орловской областях (с 4–5 до 6%).

Сохраняется традиционный для России способ балансирования рынков труда с помощью неполной занятости: количество занятых неполное рабочее время в третьем квартале 2019 г. составляло 1 млн. человек и почти не отличалось от того же периода 2018 г., а численность находящихся в неоплачиваемых отпусках устойчиво держалась на уровне 3 млн. человек. Более острые проблемы неполной занятости, измеряемые отношением численности занятых неполное рабочее время к общей численности занятых на крупных и средних предприятиях и в организациях, заметны только в Брянской и Новосибирской областях, республиках Карелия и Крым, г. Севастополе и в Пермском крае (4–6% в июле-сентябре 2019 г.). При сокращении численности трудоспособного населения и стагнации экономики безработица не растет, рынок труда балансируется сохранением масштабов неполной занятости.

Данные Федерального казначейства за январь-ноябрь 2019 г. показывают замедление роста **доходов консолидированных бюджетов регионов** (10% в номинальном выражении); в январе-сентябре 2019 г. они увеличивались быстрее (12%). Рост доходов обеспечили три компонента: налог на прибыль

² Зубаревич Н.В. Российские регионы в январе-июле 2019 г.: сочетание роста, стагнации и спада // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26, № 10. С. 58–61.

(9%), акцизы (20%) и, значительно всего, трансферты (24%). (См. таблицу.)

Быстрее всего расширились доходы консолидированных бюджетов Чукотского автономного округа (на 71%), которому более чем вдвое увеличили трансферты, Сахалинской (36%) и Мурманской (28%) областей — благодаря повышению налога на прибыль в 1,6–1,9 раза, а также Амурской области, Забайкальского края, Еврейской автономной области, Республики Марий Эл (22–28%) — в основном за счет роста трансфертов в 1,5–2 раза. Расширение доходов бюджета Чечни на 22% было обусловлено увеличением трансфертов на 24%.

Только в шести регионах (Калужская и Кемеровская области, республики Башкортостан, Хакасия, Якутия, Ханты-Мансийский автономный округ) доходы бюджета сократились по сравнению с тем же периодом 2018 г.; в большинстве из них сокращение было незначительным (-1–4%) и в основном обусловлено снижением поступлений налога на прибыль. Сильно упали доходы бюджета только в Хакасии (-12%) — республика получила меньше трансфертов (-5%), и, главное, на 40% уменьшились поступления в ее бюджет НДФЛ, что сложно объяснить. Кроме того, сократились поступления налога на имущество в бюджет данного субъекта РФ (-12%) вследствие исключения из налоговой базы налога на движимое имущество.

Зависимость большинства регионов от федеральной помощи в 2019 г. по-прежнему была существенной: доля трансфертов составила 17% от всех доходов консолидированных бюджетов регионов; она максимальна для бюджетов слаборазвитых республик (Ингушетия — 83%, Чечня — 81%, Тыва — 75%, Алтай — 70%, Карачаево-Черкесия — 69%, Дагестан — 67%) и Крыма (67%).

Система распределения трансфертов в январе-ноябре 2019 г. стала несколько менее прозрачной из-за изменения структуры помощи регионам. (Доля дотаций на выравнивание, которая рассчитывается по формуле, составляет только 30% от всех трансфертов.) Есть и позитивная тенденция: на 25% снизился объ-

ем прочих дотаций, в их числе «именные» (на балансировку бюджетов) дотации Крыму (сокращение на 12%), Севастополю (на 36%) и Чечне (на 13%).

Одновременно на 42% выросли субсидии регионам, что связано, в том числе, с необходимостью реализации национальных проектов. Доля субсидий достигла 20% от всех трансфертов, а в Республике Крым — 59%, Севастополе — 44%, т.е. масштабную помощь этим субъектам РФ нарастили по другому каналу. Но самое главное — рост в два раза так называемых «иных межбюджетных трансфертов», которые распределяются по наименее прозрачным критериям: их доля достигла 21% от всего объема помощи регионам и на 20% превысила объем субвенций. Больше всего средств по этому каналу получила Калининградская область на поддержку резидентов особой зоны (58 млрд. руб.); очень большие суммы были направлены Московской области (35 млрд. руб.), С.-Петербургу (12 млрд. руб.), Ханты-Мансийскому и Чукотскому автономным округам и Иркутской области (по 17–18 млрд. руб.), а также Сахалину (12 млрд. руб.) и Брянской области (9 млрд. руб.). Очевидны причины такого решения только по Иркутской области — помощь для ликвидации последствий наводнения.

Расходы бюджетов регионов в январе-ноябре 2019 г. увеличились в годовом выражении на 15% — они росли в 1,5 раза быстрее доходов. Лидерами роста были Чукотский автономный округ (70%) и Сахалинская область (38%), а также Иркутская, Вологодская области, Приморский край, Севастополь и Чечня (24–28%). Сократили расходы только республики Мордовия (-10%) и Хакасия (-8%) из-за необходимости снижения сверхвысокого долга или из-за уменьшения доходов бюджета.

Приоритетным для региональных бюджетов был рост расходов на национальную экономику (21%), поскольку регионы должны выполнять нацпроекты. (См. таблицу.) На Чукотке эти расходы выросли втрое, в Севастополе — на 2/3 благодаря значительной феде-

Динамика и доля доходов и расходов консолидированных бюджетов регионов в январе-ноябре 2019 г., % к аналогичному периоду 2018 г.

Доходы			Расходы		
	Динамика	Доля		Динамика	Доля
Всего	10	100	Всего	15	100
Налог на прибыль	9	26	Национальная экономика	21	20
НДФЛ	8	28	ЖКХ	26	10
Акцизы	20	6	в том числе благоустройство	31	4
Налог на совокупный доход	14	5	Образование	10	25
Налог на имущество	-4	11	Здравоохранение	18	8
Трансферты	24	17	Социальная политика	11	21

Источник: Росстат.

ральной помощи. Второй приоритет – благоустройство: расходы на эти цели выросли за рассматриваемый период на 31%. Но в основном этот рост произошел за счет Москвы (40%), в остальных регионах он был значительно ниже (20%), при этом доля расходов бюджетов на благоустройство в них остается небольшой – 1–3%, резко отличаясь от столичной (14%). Третий приоритет – расходы бюджетов на здравоохранение (18%): значительный рост отмечался здесь во всех регионах, за исключением республик Мордовия, Хакасия, Алтай, Якутия и Камчатского края. Динамика расходов на образование (10%), культуру (9%) и социальную политику (11%) отставала от динамики всех расходов.

Поскольку значительная часть расходов бюджетов субъектов РФ приходится на по-

следний месяц года, данные за январь-ноябрь 2019 г. не позволяют пока точно оценить сбалансированность бюджетной политики. Суммарно по всем регионам ситуация за этот период выглядела вполне благополучной: профицит бюджетов составил 7% от доходов, в основном благодаря большому профициту бюджета Москвы (257 млрд. руб.) и большому профициту бюджетов Ямало-Ненецкого (62 млрд. руб.) и Ханты-Мансийского (48 млрд. руб.) автономных округов, Красноярского края (47 млрд. руб.) и С.-Петербурга (32 млрд. руб.). Однако у 12 регионов по итогам 11 месяцев 2019 г. фиксировался значительный дефицит – в частности, у Орловской и Ульяновской областей он составил 3% от доходов, у республик Калмыкия, Тыва и Еврейской автономной области – 2%. ■

Development of Regions in January-November 2019: Inertia Retains

Natalia V. Zubarevich – Main Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Geographic Sciences, Professor (Moscow, Russia). E-mail: zubarevich-nv@ranepa.ru

The regions over January-November 2019 demonstrated stunted social and economic development. Except renewal in the residential construction sector following the recession the fastest rate of development was posted in the largest Moscow agglomeration. Amid the weak wage growth seen in the vast majority of the regions the low level of unemployment retains. The budgetary situation is favorable, however the revenues growth of the budgets of many regions in large measure is secured by the growth of transfers. The need to implement President's Executive Orders was reflected in the outstripping growth of budgetary expenditure on national economy and provision of public amenities.

Key words: RF regions, socio-economic situation of regions, regional budgets.

РЕДАКЦИЯ

Ответственный секретарь: Ирина Дементьева

Редактор: Ирина Карясова

Компьютерная верстка: Ольга Белобородова

Адрес в Интернете: <http://www.edrussia.ru> Электронный адрес: EDR-journal@iep.ru

Учредитель: Фонд «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-46259 от 17.08.11

Редакционно-издательский отдел: начальник Нина Главацкая, тел.: +7 (495) 629-43-21

EDITORIAL TEAM

Executive Secretary: Irina Dementieva

Editor: Irina Karyasova

Typesetting: Olga Beloborodova

Website: <http://www.edrussia.ru> Email address: EDR-journal@iep.ru

Founder: Ye.T. Gaidar Institute for Economic Policy Foundation

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor). Mass media registration certificate № FS77-46259 of 17.08.11

Publishing Department: Head – Nina Glavatskaya, phone: +7 (495) 629-43-21